

18+

М. Т. Дьячок

**ОБЩЕ
И РУССКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

М. Т. Дьячок
ОБЩЕЕ И РУССКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48564112

ISBN 9785005060730

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Настоящая книга представляет собой сборник статей, изданных на протяжении последних 35 лет, а также некоторых ранее не опубликованных работ. Статьи охватывают широкий круг проблем, включая вопросы современного русского языка и его истории, русской социолингвистики и диалектологии, глоттохронологии и лексикостатистики, общих проблем языкознания. Книга представляет интерес для филологов и историков, специалистов в области русского языка и общего языкознания.

Содержание

От автора	5
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	8
О трех типах подхода к фактам языка	8
О происхождении и классификации языков	16
Глоттохронология: пятьдесят лет спустя	30
Лексикостатистический список	54
С. Е. Яхонтова: проблема верификации	
Акцентная база (к постановке проблемы)	63
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК	74
Русский язык в начале XXI века: основные тенденции развития	74
Русское просторечие как социолингвистическое явление	104
Конец ознакомительного фрагмента.	116

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. Т. Дьячок

© М. Т. Дьячок, 2019

ISBN 978-5-0050-6073-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Настоящая книга представляет собой сборник статей, как тех, которые были изданы на протяжении последних 35 лет, начиная с 1985 г., так и тех, которые ранее не были опубликованы.

Книга состоит из пяти разделов.

Первый из них – «Общее языкознание» – включает статьи, посвященные различным вопросам общей лингвистики. Большое внимание в них уделяется проблемам генеалогической классификации языков, глоттохронологии и лексико-статистики.

Второй раздел посвящен основным вопросам современного русского языка. Главные темы представленных статей – социолингвистика современного русского языка, особенно проблемы просторечия и социальных диалектов (арго). Интерес представляют впервые опубликованные в свое время материалы по некоторым русским арго.

В третий раздел включены статьи, речь в которых идет об истории русского языка. В основном они посвящены исследованию словарного состава древнерусского языка.

Четвертый раздел – «Языки мира» – включает статьи, посвященные различным языкам, в том числе таким «экзотическим» языкам, как цыганский, парья, бурушаски и бислама.

Завершает книгу раздел, в который включены избранные рецензии на некоторые книги, освещающие различные вопросы языкознания.

Некоторые статьи ранее уже были опубликованы в различных журналах и сборниках, как в нашей стране, так и за рубежом, и в настоящее время являются труднодоступными для читателя. Ряд статей, подготовленных к печати, но по разным причинам не изданных в свое время, публикуется впервые.

Несколько слов по поводу оформления публикуемых статей. В свое время они были напечатаны в соответствии с принятыми тогда правилами оформления работ. В данной книге их оформление унифицировано и приведено к единому стандарту. Кроме того, исправлены некоторые ошибки и неточности, допущенные в первоначальных текстах. В некоторых случаях внесены добавления, учитывающие факты, выявленные в результате последних исследований и уточняющие взгляд на изложенную в тексте работы проблему. Однако в целом их количество невелико, и в основном текст работ оставлен без изменений.

В заключение хочется выразить признательность всем ученым – лингвистам и историкам, общение с которыми оказало существенную помощь в написании данных работ. Среди них академики РАН А. Е. Аникин, В. А. Дыбо, Н. Н. Покровский, члены-корреспонденты РАН доктора филологических наук. С. А. Старостин, Е. А. Хелимский, Е. К. Ро-

модановская, доктора филологических наук К. А. Тимофеев, А. И. Федоров, Я. С. Лурье, В. Э. Орел, А. Ю. Русаков, А. М. Певнов, Б. В. Болдырев, Б. Я. Шарифуллин, А. П. Чудинов, Л. С. Ковтун, С. О. Малевинский, доктора исторических наук Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, Г. Г. Пиков, кандидаты филологических наук М. Д. Симонов, И. Э. Романовская, Л. В. Титова, В. С. Кузнецова, В. Н. Алексеев, М. М. Хасанова, О. А. Савельева, М. П. Алексеева, кандидаты исторических наук А. П. Воробьев, А. И. Мальцев, В. И. Баяндин, Ю. Л. Троицкий, М. И. Рижский, А. И. Плигузов, доктора В. Фридман, И. Хегедюш, З. Кёстер-Тома, В. Венкер.

Особую благодарность выражаю моему многолетнему соавтору и соратнику кандидату филологических наук В. В. Шаповалу.

За ценные советы и поддержку я признателен моим друзьям и коллегам Н. А. Огурцовой, А. С. Шабрину, В. Е. Бодалеву, И. И. Александрову, А. В. Чехонадских, С. В. Моисееву, А. М. Желковской, М. В. Исмагиловой, М. В. Соколовой, Ю. Ю. Фуфачевой, Л. В. Тютрюмовой, О. В. Ивановой, Н. Гатри, Дж. Лансли, Ш. Лавелл.

Всем им большое и искреннее спасибо!

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О трех типах подхода к фактам языка

Филолога традиционного, старого склада, привыкшего при анализе языка или текста обращаться к конкретным фактам и рассматривать их в строго научной перспективе, несомненно, не очень нравятся попытки взглянуть на те же самые факты под совершенно иными углами зрения. В лучшем случае наш филолог обвинит автора подобных изысканий в «дилетантизме», в худшем же назовет его «безумцем», «странным человеком» или как-нибудь еще более экспрессивно.

Очевидно, однако, что подобный, научный, подход отнюдь не является единственным. Мало того, для многих людей он оказывается столь же странным и непонятным, как для филолога любой другой подход, кроме научного. Результатом становится практически полное взаимонепонимание и одновременно убежденность каждой стороны именно в своей правоте. Ситуация осложняется тем, что и текст, и язык считают своей исследовательской вотчиной не только филологи, но и литераторы, философы, психологи, политики, пропагандисты, мистики и представители многих других сфер деятельности.

Попробуем взглянуть на проблемы отстраненно.

Если обобщить все возможные варианты подхода к одним и тем же языковым фактам, то можно выделить три основных варианта этих подходов.

1. **Научный** (традиционный). Он опирается на существующие традиции анализа языка и текста и предполагает выявление некоего оптимального варианта решения проблемы. Для сторонников этого подхода язык (текст) является прежде всего **объектом** изучения, фактически не влияющим на позицию исследователя. Подобно представителям других наук, филологи активно используют принцип бритвы Оккама, отсекая все маловероятные гипотезы в пользу наиболее вероятной, которая и объявляется основной. Особенно ярко подобный принцип виден на примере этимологии отдельных слов, когда масса времени и сил уходит на то, чтобы показать, что тот или иной вариант этимологизирования более «правилен», чем остальные, хотя, по сути дела, и он является ни чем иным, как одной из гипотез.

Необходимо отметить, что научный подход не является подходом только теоретическим – он имеет и свою практическую сторону, поскольку наиболее оптимально вписывается в существующую картину мира. Вряд ли у кого может вызвать сомнения, что адекватно описанный язык будет более эффективно преподаваться, а научное понимание того, что происходит с тем или иным языком в социальной жизни, позволит более правильно планировать языковую политику

в его отношении.

2. **Мифопоэтический**. При этом подходе язык (текст) воспринимается как **инструмент** для достижения неких иных, более глубоких, с точки зрения сторонников этого метода, целей, как средство для построения каких-то новых конструкций, порой логических, но чаще всего чисто ассоциативных. Применительно к этимологии об этом писал В. Н. Топоров: «Даже „профаническая“ этимологизация не всегда есть чистая забава и пристрастие к кунштюкам. Нельзя отрицать в ней ориентированности на поиск более глубоких и сокровенных смыслов, на определение истоков и связей слова, на „истинное“ понимание языка» [1].

В то же время произведения мифопоэтического характера порой могут свидетельствовать об элементарном невладении их авторов научной методологией. Иногда трудно сказать, действительно ли создатели подобных произведений сознательно ставят перед собой цель добиться мифопоэтического эффекта или это просто их неграмотность. Так, примеры «этимологий», предлагаемых в книгах, выходящих под именем Кандыбы, могут свидетельствовать как о целенаправленной установке их авторов на создание мифопоэтического эффекта, так и об их незнании методов научного лингвистического исследования.

Элементы мифопоэтического подхода весьма заметны в работах многих философов, семиологов, «методологов» и представителей других подобных отраслей знания. Харак-

терной чертой их произведений является ориентация (порой сознательная, а порой, видимо, неосознанная) на эстетические принципы оценки того или иного факта, что формально часто выглядит как постулирование очевидности какого-либо принципа, вовсе не очевидного с позиций использования бритвы Оккама. Ср., например, бесконечные риторико-суггестивные формулы у Р. Барта: «Дело в том, что определяющей чертой пишущего является *наивность* его коммуникативного проекта» [2], «Злоба всегда *точна*» [3], «Наука говорится, литература пишется; одна управляется голосом, другая следует движениям руки» [4] и т. п. Аналогичные примеры можно приводить из трудов К. Леви-Стросса, М. Фуко и многих других авторов.

Учитывая сильную эстетическую составляющую подобного подхода, он может быть также назван **эстетическим**.

3. Пропагандистский. Сторонники этого подхода воспринимают язык (текст) прежде всего как **оружие**, которым можно сражаться против своих идеологических, политических, религиозных и других врагов. Хорошим примером применения языка в подобных целях являются получившие распространение в нашей стране в середине 1980-х гг. методики нейролингвистического программирования, многие из которых до сих пор продолжают активно использоваться в рекламе и пиаровских технологиях. Особенности подобного подхода к фактам языка в свое время метко охарактеризовал М. И. Стеблин-Каменский: «Говорили о том,

например, что структурализм «отрывает» что-то от чего-то (все равно, что от чего – диахронию от синхронии, звук от значения, фонетику от фонологии, морфологию от синтаксиса и т.д.) и что, следовательно, структурализм – это «метафизика» и «идеализм», а тот, кто выдвигает такое обвинение против структурализма, в силу этого (и, увы, часто только одного этого) «диалектик» и «материалист» [5]. Необходимо отметить, что подобный подход весьма популярен в социальных слоях, нормой жизни которых является тотальная агрессия, недоверие и враждебность по отношению друг к другу (криминальные и полукриминальные слои, в современной России во многом тождественные социолингвистической группе носителей просторечия).

Если не учитывать возможность такого подхода к фактам языка, то многие явления общественной жизни, маскируемые под научно-лингвистические, окажутся совершенно непонятными. Так, у традиционного лингвиста не может не вызвать недоумения популярная в XIX в. идея создания «общеславянского» словаря, т.е. своеобразного словаря-тезауруса, включающего на равных основаниях лексику всех славянских языков [6]. Мало того, подобные словари даже были созданы. Достаточно вспомнить, например, словарь Ф. Копечного, в который, наряду с праславянскими, включены такие слова, как kahve/kafe «кофе», vagon «вагон» и т. п. [7]. Методологическая основа подобных трудов с научной точки зрения кажется загадочной, однако с пропагандистской точ-

ки зрения работы такого типа имеют смысл, так как лишний раз подчеркивают близость славянских народов, «особый» путь их развития и тем самым создают в перспективе идеологическую базу для их возможного политического объединения (или – в духе XX в. – политической аннексии).

Поскольку согласно сложившимся стереотипам научный подход представляется многим людям более объективным (с чем нельзя не согласиться), «правильным», «престижным», а ссылки на научный анализ могут оказаться важным подспорьем в аргументации той или иной точки зрения, на практике часто приходится сталкиваться с лингвистической **мимикрией**, когда мифопоэтический и пропагандистский подход преподносятся как подход научный. Четкое разделение этих трех подходов позволит распознать истинную сущность этого явления.

Следовательно, для того, чтобы избежать взаимонепонимания и связанных с ним конфликтов, необходимо, прежде всего, определить, на какой позиции находится тот или иной человек, «работающий» с языком. Так, для продуктивной **научной** дискуссии по той или иной проблеме, связанной с языком (текстом) (как, впрочем, и с другими подлежащими изучению фактами), необходимо, чтобы участники дискуссии обладали следующими качествами:

- 1) Проявляли **интерес** к рассматриваемой проблеме.
- 2) Имели **знания** по теме обсуждения.
- 3) Обладали **здоровым смыслом**.

4) Проявляли **доброжелательность** по отношению друг к другу.

Приверженцы мифопоэтического подхода, как правило, не отвечают 2-му и 3-му требованиям; сторонники пропагандистского подхода явно не удовлетворяют 4-му критерию, а часто также 2-му и 3-му. Поэтому вряд ли можно ожидать положительного исхода научной дискуссии, в которой будут принимать представители этих двух направлений.

Для дискуссии на **мифопоэтическом** уровне научные знания и здравый смысл могут даже навредить, так как будут постоянно «приземлять» ее участников. Впрочем, сам термин «дискуссия», имеющий больше отношения к научным типам общения, здесь не вполне применим.

Наконец, общение на **пропагандистском** уровне предполагает лишь наличие заинтересованности в данной проблеме. Мало того, именно этот пункт становится здесь наиболее важным, все же остальные требования искажаются в угоду ему. В этом сказывается манипулятивная основа этого подхода, так как именно заинтересованность всех сторон в продолжении «игры» является центральным моментом манипулятивного поведения. Однако отсутствие заинтересованности способно сбить приверженцев подобного подхода с проторенного пути и значительно, если не полностью, уничтожить эффект подобной «дискуссии».

Примечания

Статья впервые опубликована в сборнике: Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 11—15.

1. *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. – М., 1986. – С. 206.

2. *Барт Р.* Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – С. 138.

3. *Барт Р.* Из книги «О Расине» // Там же. – С. 190.

4. *Барт Р.* От науки у литературе // Там же. – С. 377.

5. *Стеблин-Каменский М. И.* Несколько замечаний о структурализме // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л., 1974. – С. 48.

6. См. об этом, в частности, работу: *Виноградов В. В.* Об изучении общего славянского фонда в структуре славянских языков // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 43—44.

7. *Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. – Praha, 1981. – S. 144, 395.

О происхождении и классификации языков

Язык – естественная или искусственная система, основной, но не единственной функцией которой является коммуникация между людьми. Различают языки естественные (человеческие) и языки искусственные (в т.ч. языки типа эсперанто, языки глухих т.п.). Отдельно выделяют языки животных, которые, однако, не являются языками в собственном смысле этого слова, поскольку способы коммуникации животных представляют собой знаки совершенно другого типа – эмоциональные и ситуативные.

Естественные языки изучаются языкознанием, или лингвистикой. В последние десятилетия и годы был достигнут существенный прогресс в развитии языкознания. Не в последнюю очередь это связано с созданием новых направлений в лингвистике, таких как корпусная лингвистика, компьютерный перевод, распознавание речи, описание новых т.н. «экзотических» языков, нетривиальные результаты в сравнительно-историческом языкознании, включая метод глоттохронологии и др. [1].

Целью данной работы является изложение и анализ последних достижений в области двух аспектов изучения языка: современных теорий происхождения языка (глоттогенеза) и сравнительно-исторического языкознания, что позво-

лило уточнить, а порой и пересмотреть существующую классификацию языков мира.

Вопрос о происхождении языка (глоттогенезе) – одна из самых старых проблем, поднимавшихся еще античными мыслителями. Проблема во многом заключается в том, что человеческий язык – абсолютно уникальное явление в природе. До сих пор ведутся споры, владели ли какой-то формой языка ближайшие родственники *Homo sapiens*'а – неандертальцы, и в какой мере он отличался от человеческого языка [2]. Отсутствие каких-либо лингвистических данных приводит к тому, что сама постановка вопроса о происхождении языка оказывается проблемой не столько лингвистической, сколько чисто спекулятивной, лежащей в поле зрения философов, антропологов или биологов [3]. Однако в последнее время в этой области появляются отдельные сдвиги.

Если быть более точным, то речь идет о движении в двух противоположных направлениях.

Во-первых, активно изучаются способы коммуникации животных, при этом проводится граница между животными общественными, которым такая коммуникация действительно необходима для сообщения об опасностях или подачи каких-либо сигналов, критичных для других членов их стада (стаи). В связи с этим важными представляются исследования Ж. И. Резниковой [4], Т. В. Черниговской [5] и других ученых.

В одной из своих работ Т. В. Черниговская приводит основные положения, которые обсуждались на антропологических конференциях в 2007 году в США и Нидерландах. Некоторые из них следует процитировать буквально:

«Нейроанатомический субстрат человеческого языка сформировался 2 млн. лет назад у *Homo habilis*.

Некий протоязык возник примерно 1 млн. лет назад у *Homo erectus* и уже обладал специфическими чертами (порядок элементов, аргументы глаголов, грамматичность и пр.).

«Полноценный» язык возник между 100 и 150 тыс. лет назад у *Homo sapiens sapiens*.

Полностью сформированный синтаксически язык как необходимое условие обмена и передачи символической информации может косвенно быть датирован на основе сопоставления с абстрактными наскальными изображениями, датируемыми примерно 75 тыс. лет назад.

Акустические сигналы птиц эволюционировали в пение человека» [6].

Таким образом, подчеркиваются уже определенные этапы становления языка.

С другой стороны, идет достаточно активное изучение «примитивных» языков, способных сохранить в себе архаичные элементы. Так, интересный материал в этом отношении дают языки Азии, Африки, Австралии, в частности амазонский язык пирахан или бушменский язык в Афри-

ке. Мечтой московского лингвиста С. А. Старостина было попытаться при помощи сравнительно-исторической реконструкции пробиться к самым истокам первичного языка, но пока языковедение еще не обладает такими методами.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Изучение глоттогенеза вышло на новый уровень в связи с более внимательным отношением к языку животных, глубинной и типологической реконструкции.

2. Постоянные успехи наук о прошлом позволяют надеяться, что эта проблема станет более понятной и разрешимой.

Начало разработки метода сравнительно-исторического языковедения и основанной на нем генеалогической классификации языков было положено в самом начале XIX века благодаря трудам немецкого ученого Ф. Боппа, первый из которых был опубликован в 1816 году [7]. До этого сравнение языков проводилось путем поиска случайных сходств и не было поставлено на научную основу.

На протяжении XIX – первой половины XX вв. сравнительно-историческое языковедение бурно развивалось, но методы, которые использовали исследователи, оставались довольно традиционными. Кроме того, круг языков, охваченных изучением, был довольно невелик, а некоторые языки Африки, Латинской Америки, Новой Гвинеи вообще не привлекались к анализу. К тому же отсутствовала строгая мето-

дика, которая позволила бы сделать точные утверждения.

Ситуация изменилась, когда в 1952 году американский лингвист М. Сводеш опубликовал свою первую статью, посвященную методу, который он назвал лексикостатистикой и который был создан по аналогии с радиоуглеродным методом в биологии [8]. В качестве исходного материала анализировалась наиболее устойчивая часть лексики – сначала 200-словный, а затем 100-словный списки.

В 1960 году эта и некоторые другие статьи М. Сводеша были изданы на русском языке [9], что предопределило большой интерес советских ученых к разработанному им методу. В дальнейшем в конце 1980-х годов московский лингвист С. А. Старостин существенно усовершенствовал метод М. Сводеша, сделав его еще более точным [10]. Работы С. А. Старостина оказали значительное влияние на развитие метода глоттохронологии, который в настоящее время является фактически единственным работающим методом, позволяющим датировать время языковых изменений [11].

Революция в сравнительно-историческом языкознании привела к тому, что заметно поменялись взгляды на генеалогическую классификацию языков. Если раньше более-менее хорошо была известна классификация традиционных семей, особенно Старого Света, в то время как классификация огромного количества языков, распространенных в Африке, Америке (особенно Латинской), Индонезии и Новой Гвинее строилась часто просто по географическому прин-

ципу. Так, например, все австронезийские языки делились на четыре группы: индонезийские (малайский, яванский, тагальский и др.), меланезийские, микронезийские и полинезийские в зависимости от территории их распространения и некоторых антропологических признаков.

Сейчас в результате использования методов лексикостатистики и глоттохронологии выяснилось, что ситуация намного сложнее и, кстати, намного лучше описывает историю австронезийских языков и народов [12]. Итогом исследования стало определение путей миграции австронезийских народов, первоначальным местом обитания которых был о. Тайвань, а затем через Филиппины они добрались на территорию Индонезии, а также расселились по всему Тихому океану.

Аналогично обстоит дело с языками других территорий, причем результаты порой кажутся парадоксальными. Так, несмотря на то, что Новая Гвинея была заселена довольно давно (примерно 45 тыс. лет назад), подавляющая часть населения острова говорит на языках т.н. трансновогвинейской филы (фила – более широкое объединение, чем семья).

Согласно авторитетному сайту «Ethnologue: Languages of the World» [13], представляющему онлайн-версию крупнейшего лингвистического справочника, носящим такое же название, в настоящее время на Земле насчитывается 7099 языков. Конечно же, это число достаточно приблизительно, причем не только потому, что ряд языков постоянно

вымирают у нас на глазах, но и то, что не всегда ясно, где проводить границу между языком и диалектом [14]. В результате многие языковые формы, ранее считавшиеся диалектами, переходят в разряд полноценных языков. Кстати, появляющиеся периодически сообщения об обнаружении какого-либо нового языка, на самом деле обозначают просто придание статуса языка отдельному плохо изученному диалекту.

Списки языков мира представлены в различных справочниках и учебниках. В некоторых случаях они полностью устарели. Наиболее полными списками языков, помимо уже упомянутого англоязычного сайта «Ethnologue», является перечень языков в обзорной работе «Языки и диалекты мира» [15] и учебнике С. А. Бурлак и С. А. Старостина [16].

Наконец, одним из достижений последнего времени является установление отдаленного родства языков. Прежде всего, это связано с трудами В. М. Иллича-Свитыча [17], который объединил в единую ностратическую макросемью индоевропейские, уральские, картвельские, алтайские, дравидийские и семито-хамитские языки (последние затем были исключены из числа ностратических). Имеются труды по выявлению других крупных макросемей (надсемей).

С учетом всего сказанного на основе недавно полученных данных можно выделить следующие макросемьи, а также объединения более низкого уровня: отдельные семьи, группы, а также языки-изоляты, которые не обнаруживают близости к каким-либо другим языкам мира.

1. Ностратическая макросемья

Индоевропейские языки (индоарийские – хинди, бенгальский, цыганский и др., иранские языки – персидский, курдский и др., славянские языки – русский, польский, болгарский и др., романские языки – французский, итальянский, испанский и др., германские языки – английский, немецкий и др., кельтские языки – ирландский, валлийский и др., а также относящиеся к отдельным группам армянский, греческий, албанский и балтийские языки, а также ряд вымерших языков Европы и Азии).

Уральские языки – финский, венгерский, мансийский, хантыйский, ненецкий, и др.

Картвельская семья – грузинский, сванский и др.

Алтайские языки (тюркские – турецкий, татарский, казахский, узбекский, тувинский, якутский и др., монгольские языки – монгольский, калмыцкий и др., тунгусо-маньчжурские языки – эвенкийский, нанайский, удэгейский и др., а также находящиеся в отдельных группах корейский и японский языки).

Дравидийские языки – тамильский, телугу, каннада, малаялам и др.

Первоначально в состав ностратической макросемьи включались также афразийские (ранее семито-хамитские) языки (семитские – арабский, иврит, амхарский и др., кушитские – сомалийский, оромо и др. омотские – группа небольших языков на юго-западе Эфиопии, чадские – хау-

са и др., берберские – тамазигхт, аххагар и др., отдельную группу составляет мертвый древнеегипетский язык). Однако впоследствии было установлено, что данные языки отстоят от других ностратических языков значительно дальше, хотя и образуют с ностратическими языками еще более глубокое генетическое единство.

Помимо упомянутых языков, к ностратическим языкам различные ученые предположительно относят и некоторые другие группы, в частности чукотско-камчатские (чукотский, корякский и др.), юкагирские и эскимосо-алеутские языки, а также изолированные нивхский и айнский языки и некоторые другие.

2. Сино-кавказская макросемья (гипотеза признается не всеми)

Сино-тибетские языки – китайский, тибетский, бирманский, неварский и др.

Северокавказские языки – аварский, лезгинский, даргинский, чеченский, абхазский и др.

Языки на-дене – тлингит, навахо и некоторые другие языки индейцев Северной Америки.

Кроме того, к сино-кавказским языкам предположительно относятся изолированные языки бурушаски, баскский и кетский (возможно, также некоторые другие).

3. Аустрическая макросемья (гипотеза признается не всеми)

Австроазиатские языки – вьетнамский, кхмерский, мон-

ский, кхаси, сантальский и др.

Австронезийские языки – малайский (и индонезийский), тагальский, яванский, мальгашский, многие языки Океании (меланезийские, микронезийские, гавайский, таитянский) и др.

Таи-кадайские – тайский, лаосский, шанский, чжуанский и др.

Возможно, к данной макросемье относятся и некоторые другие языки.

Классификация языков Африки, Новой Гвинеи, Австралии, индейцев Америки пока разработана недостаточно хорошо, но, тем не менее, в этой области наблюдается существенный прогресс. В частности, установлены крупные объединения родственных языков, например трансововинейская надсемья (макросемья, фила), в состав которой входит большое количество языков Новой Гвинеи.

Что касается времени, на глубине которого возможно установление родственных связей и последующая классификация языков, то оно при самых оптимистических подсчетах вряд ли может превышать период порядка 13—15 тыс. лет назад. Т.е. родство некоторых языков в Австралии, Африке и на Новой Гвинее установить вряд ли удастся, а вот близость языков индейцев Америки, которые переселились в Америку из Азии примерно 12 тыс. лет до н.э., в принципе вероятно. Но тут большим препятствием оказывается огромное количество фактического материала и слабая изученность ис-

тории индейских языков.

Промежуточные выводы сводятся к следующим:

1. Изучение родственных и генеалогическая классификация языков становится в последнее время динамически развивающейся областью языкознания.

2. Более тщательное изучение «экзотических» языков будет способствовать изучению их истории и классификации уже в ближайшем будущем.

3. Большое внимание следует уделить использованию компьютеров, составление корпусов текстов, а также скорейшей фиксации языков, находящихся под угрозой исчезновения.

В заключение бы хотелось представить ряд размышлений и выводов общего характера.

1. В последнее время продолжается активное изучение естественных наук: большие успехи достигнуты в биологии, генетике, астрономии. Поскольку языкознание еще в позапрошлом веке с подачи А. Шлейхера рассматривалось как разновидность естественных наук, то нет ничего странного в своеобразном ренессансе лингвистики.

2. Между тем, перед учеными в наше время стоит немало проблем. Прежде всего, это касается катастрофических темпов вымирания малых бесписьменных языков, причем эта тенденция наблюдается почти во всем мире: от США или России до Австралии или Бразилии. В то же время многие

слаборазвитые страны Африки с их традиционным сельским укладом быта сохраняют малые языки достаточно хорошо.

3. В этом отношении необычайную важность приобретает фиксирование фактов пока еще сохраняющихся языков: составление их грамматик, словарей, запись звучащей речи. Не стоит прекращать попыток создания алфавитов для малых языков. Хотя такие попытки редко когда заканчивались успехом, но пробовать следует.

4. Наконец, что касается таких сугубо теоретических проблем, как выявление родственных связей разных языков мира или проблема происхождения языка в целом, то и здесь прогресс, достигнутый в последнее время совершенствования методик исследования, позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Примечания

Статья ранее не была опубликована в печатных изданиях. Печатается по тексту оригинала.

1. Подробный обзор достижений последних лет содержится в обобщающей работе: *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М, 2004.

2. Об этом. см., напр.: *Humphrey N.* Cave art, autism, and the evolution of the human mind // *Cambridge Archaeological Journal.* – Vol. 8. – 1998. – №2.

3. См., например, книги философа О. А. Донских, в кото-

рых содержится обзор существующих гипотез, но не предложено никаких позитивных путей решения проблемы (*Донских О. А. К истокам языка. – Новосибирск, 1988; Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. – Новосибирск, 1984*).

4. *Резникова Ж. И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии – М., 2005.*

5. *Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога // Разумное поведение и язык. – Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – М., 2008. – С. 289—306.*

6. Там же. – С. 296—297.

7. *Bopp F. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. – Frankfurt am Main, 1816.*

8. *Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. – Proceedings of the American philosophical society. – Vol. 96. – 1952. – P. 452—463.*

9. *Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 23—52; Сводеш М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании. – Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 53—87.*

10. *Старостин С. А. Сравнительно-историческое языко-*

знание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Материалы к дискуссиям международной конференции). – Т. 1. – М., 1989. – С. 3—39.

11. Более подробно об истории глоттохронологии можно прочитать в работе: *Дьячок М. Т.* Глоттохронология: пятьдесят лет спустя // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2002, №1. – С. 15—23.

12. *Сирк Ю. Х.* Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение. – М., 2008.

13. www.ethnologue.com.

14. *Эдельман Д. И.* Проблема «язык» или «диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127—147.

15. Языки и диалекты мира (Проспект и словник). – М., 1982.

16. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. – М, 2005. – С. 334—382.

17. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. – В 3 т. – М., 1971—1984.

Глоттохронология: пятьдесят лет спустя

В 1952 году, ровно пятьдесят лет назад, в журнале Американского философского общества появилась статья М. Сводеша «Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов» [1], которая положила начало совершенно новому направлению в лингвистике, названному позднее глоттохронологией.

Отдельные идеи, легшие в основу глоттохронологии, высказывались М. Сводешом и ранее [2], однако именно в этой статье они были оформлены как целостная теория, давшая лингвистам новый инструмент для исследования истории языков мира.

В 1955 году была опубликована еще одна принципиально важная статья М. Сводеша [3], в которой он существенно пересмотрел и дополнил предложенную им тремя годами ранее методику, оставив, тем не менее, практически без изменения основные положения своей теории.

В 1960 году обе статьи М. Сводеша были переведены на русский язык и опубликованы в первом выпуске уникального для того времени издания «Новое в лингвистике» [4].

Статья 1955 года создала своеобразный канон глоттохронологии. Предложенная в ней методика подсчетов оставалась неизменной на протяжении почти тридцати лет, пока

в середине 1980-х годов московский лингвист С. А. Старостин не внес в нее серьезные изменения, сделавшие глоттохронологию еще более точным и надежным инструментом лингвистического датирования языковой дивергенции [5].

На протяжении прошедших пятидесяти лет своей истории метод глоттохронологии неоднократно использовался в исторической лингвистике. Его применение оказалось исключительно продуктивным и полезным и привело к ряду неожиданных, а порой и прямо сенсационных результатов, которые, противореча порой умозрительным построениям традиционной лингвистики, тем не менее, надежно верифицировались данными смежных наук: истории, археологии, этнографии и др.

В данной статье мы попробуем подвести некоторые итоги полувекового развития глоттохронологии и оценить перспективы применения этого метода в дальнейших историко-лингвистических исследованиях.

Глоттохронология и лексикостатистика

Основой глоттохронологии является лексикостатистика. При всей близости этих понятий и при той путанице, которая сопровождала глоттохронологические исследования начиная с самых ранних трудов М. Сводеша, тем не менее, эти понятия должны быть разграничены. Если глоттохронология – это определение относительного или абсолютного вре-

мени расхождения двух или нескольких языков, то лексико-статистика – специальная методика подсчетов, опирающаяся на лексические данные этих языков.

Почему именно лексика была выбрана в качестве основы глоттохронологии? Единственно потому, что никакой другой уровень языка не может дать достаточно надежного материала для временной характеристики диахронических процессов. Примеры настолько банальны и очевидны, что ограничимся лишь двумя. Фонетический состав даже близкородственных языков может очень существенно отличаться и ни в коей мере не свидетельствует о степени их генетического родства (испанский – французский, английский – немецкий). Еще в большей степени это относится к грамматическому строю. Нет ничего менее похожего, чем, например, грамматический строй русского и болгарского языков, однако при этом они являются достаточно близко родственными друг другу. Мало того, как показывает история самых разных языков, изменения, касающиеся их фонетической и грамматической структуры, могут происходить в них за очень короткий промежуток времени (порядка двух—трех столетий, как это произошло, например, в V—VI вв. с бриттскими языками [6]), в результате чего эти структуры приобретают совершенно иной вид (ср. также латинский язык и современные романские языки, древнегреческий и новогреческий языки, древнеиндийский и современные индийские языки и др.).

Лексикостатистические списки, предложенные М. Сводешом, несомненно, достаточно условны. В большей степени это относится к 200-словному (раннему) списку, в несколько меньшей – к 100-словному (более позднему). Однако вопросы, почему в список включено именно данное слово, а не какое-либо другое, видимо, будут постоянно задаваться критиками глоттохронологических методик. Даже если исключить наивные упреки типа «Но ведь в русском языке слово *глаз* заимствовано, значит, такое понятие не должно включаться в список!», все равно останется значительное количество слов, которые в принципе вполне могли бы быть заменены другими. Проблема, однако, снимается, если признать две вещи: 1) достаточно условный характер списка; 2) его работоспособность, проверенную в ходе многочисленных попыток применения метода.

Тем не менее, лексикостатистический список нуждается в конкретизации и уточнении, особенно в тех случаях, когда включенное в него английское слово неоднозначно и допускает различные толкования [7]. Конечно же, это необходимо совсем не для того, чтобы выявить некие универсальные семантические поля, устойчивые в различных языках мира, а просто для того, чтобы избежать двусмысленностей и связанных с ними ошибок. Работа по уточнению семантики таких слов была начала еще самим М. Сводешом, а в дальнейшем продолжена другими исследователями, в частности С. А. Старостиным и В. Э. Орлом. Приведем некоторые при-

меры.

All (все) – в сочетании с конкретными существительными, например, *все люди, все дома*.

Big (большой) – в сочетании со словами, обозначающими предметы, например, *большой камень, большая река*.

Man (мужчина) – в значении «взрослый мужчина», как противоположность женщине, а не в значении «человек».

Person (человек) – в значении «человек (как биологический вид)», но не в смысле «личность, лицо».

Swim (плавать) – о человеке или животных, но не о предметах (лодках, кораблях и т.п.).

Thin (тонкий) – о плоских предметах.

Fat (жир) – как существительное, обозначающее жир животных (не как продукт питания), а не как прилагательное.

Fly (летать) – о птицах и насекомых, но не о предметах (листьях, самолетах и т.п.).

Stay (стоять) – о человеке или животных, но не о предметах.

This (этот) – об объектах первой степени удаленности (находящихся в поле досягания говорящего).

That (тот) – об объектах третьей степени удаленности (находящихся одинаково далеко как от говорящего, так и от собеседника).

Cold (холодный) – о веществах, но не о погоде, климате и т. п.

Burn (жечь) – переходный глагол в контекстах *жечь дрова*,

жечь костер и т.п., но не в значении «гореть».

Tongue (язык) – как анатомический термин, но не как средство общения.

We (мы) – эксклюзивное местоимение («мы без вас»), используемое в разговоре между равными партнерами.

I (я) – нейтральное местоимение, используемое в разговоре между равными партнерами.

Hair (волосы) – волосы на голове, а не на теле, а также волосы человека, но не животных.

Tail (хвост) – хвост млекопитающих, пресмыкающихся и т.п., но не хвост рыб, насекомых и т. п.

Выше приведены далеко не все примеры. В дальнейшем автор планирует посвятить этой теме отдельную статью.

Несомненно, что конкретизация значений слов списка М. Сводеша также достаточно условна, но эта условность должна неукоснительно соблюдаться при конкретных вычислениях, иначе может получиться так, что из одного языка слово *burn* будет взято в значении «гореть», а из другого – в значении «жечь», что может привести к неточностям в подсчетах.

Проблема заимствований

Одним из главных изменений, внесенных в методику глоттохронологических подсчетов С. А. Старостиным, стало исключение из списка заимствованных слов. Действительно, количество заимствований в лексикостатистических спис-

ках в некоторой степени зависит от интенсивности языковых контактов данного языка и может быть осуществлено в массовом порядке на протяжении относительно небольшого промежутка времени. Конечно же, большую часть подобных заимствований составляет периферийная лексика, не входящая в списки Сводеша, однако могут попадаться и слова, включенные в эти списки.

В случае «нормального» развития языка число разновременных заимствований в списках Сводеша относительно невелико. Так, в стословном списке для русского языка имеется всего три предположительно заимствованных слова: *глаз* <из германских языков, ср. др.-верх.-нем. *glas* «янтарь, стекло» [8], *собака* <из иранских языков, ср. ср.-иран. *sabāka, авест. *spaka*– [9], *хороший* <возможно, из иранских языков, ср. вост.-осет. *xorz*, зап.-осет. *xvarz* «хороший» [10]. Однако если в какой-то период своего развития язык активно контактировал с другими языками, это число может быть существенно больше. Так, например, обстоит дело с цыганским языком. В стословном списке, составленном для кэлдэрарского диалекта цыганского языка, имеется по крайней мере шестнадцать заимствованных слов: гора, длинный, дорога, желтый, звезда, зеленый, коготь, кожа, кора, кость, круглый, не, облако, плавать, тот, этот [11]. В списке для языка хинди, также имевшего активные контакты с другими языками, представлено восемнадцать заимствований: белый, дождь, дорога, женщина, жир, зола, кровь, луна, муж-

чина, печень, птица, семя, сердце, солнце, теплый, хвост, человек, шея [12]. Видимо, могут быть языки, в которых число заимствований в стословном списке еще выше, но, скорее всего, это уже исключения из общего правила. В целом следует признать, что количество заимствованных слов в стандартных случаях вряд ли будет превышать двадцать, причем к этой цифре число заимствований будет приближаться в том случае, если язык интенсивно контактировал с другими языками. Этот вывод представляется достаточно интересным, так как в какой-то мере определяет границы возможного применения глоттохронологии (об этом речь пойдет чуть далее). Однако этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Исключение заимствований из лексикостатистического списка позволяет существенно уточнить глоттохронологические подсчеты. Действительно, большое число нареканий и критических замечаний в адрес глоттохронологии было вызвано тем, что заимствования участвовали в подсчетах на общих основаниях. Наряду с неточностью и приблизительностью определения родства слов это приводило к непродуманным, а порой и прямо фантастическим построениям. В этом отношении показательна уже статья М. Сводеша «Лингвистические связи Америки и Евразии» [13], где полученные результаты были почти полностью обесценены неточностью анализа.

Границы применения глоттохронологии

Как и любой другой научный метод, глоттохронология может использоваться лишь в определенных границах. За их пределами она не дает надежных результатов, и те ученые, которые не учитывают этой ее особенности, не только получают сомнительные результаты, но и существенно подрывают авторитет метода.

Верхней границей применения метода глоттохронологии можно условно считать число родственных слов более 90%. Если это число выше, то близкое родство сравниваемых языков и так очевидно. Так, например, обстоит дело с монгольскими языками. Их сравнение дает следующую картину (подсчеты выполнены по методике Старостина) [14] (см. таблицу выше на данной странице).

	монгор.	дунсян.	баоань.	юйгу	дагур.
монгольский /	89 (92)	83 (88)	81 (87)	82 (87)	87 (93)
калмыцкий	87%	94%	93%	94%	94%
монгорский		83 (85) 98%	81 (85) 95%	80 (83) 96%	81 (87) 93%
дунсянский			82 (85) 97%	78 (84) 93%	79 (86) 92%
баоаньский				78 (84) 93%	78 (86) 91%
юйгу					76 (86) 88%

Абсолютно никаких выводов из этого сравнения сделать невозможно. Все монгольские языки обнаруживают примерно одинаковую степень близости друг к другу, а имеющиеся расхождения могут быть объяснены допустимыми неточностями при составлении списков. Полученные результаты полностью совпадают с историческими данными о дифференциации монгольских языков, выделившихся из единой прамонгольской общности лишь в XII – XIII вв.

Учитывая, что степень близости всех монгольских языков укладывается в те границы, которые предполагались М. Сводешом для разновидностей (диалектов, говоров) одного и того же языка (более 81% по старой методике [15], что соответствует примерно 86 – 87% по методике Старостина), можно заключить, что сравнение языковых единиц на уровне менее глубоком, чем языковой, непродуктивно и лишено смысла.

Кроме того, в случае подобного близкого родства языков вступают в действие другие факторы, влияющие на характер взаимоотношений данных языковых единиц. Например, если языки (диалекты) находятся в единой контактной зоне, начинает сказываться принцип языковой непрерывности. Весьма характерно, что этот принцип, который в свое время рассматривался как модная альтернатива «устаревшей» концепции генетического родства, а впоследствии был подвергнут обоснованной критике, действительно начинает проявляться в случае близкого родства языков (на уровне генети-

ческой подгруппы, а в отдельных случаях, возможно, даже и группы), и глоттохронология это тоже достаточно хорошо подтверждает.

Особенно заметно действие принципа лингвистической непрерывности тогда, когда анализируются близкородственные языки, носители которых достаточно продолжительное время жили на одном месте. Мало того, в подобной ситуации действие принципа лингвистической непрерывности, как показывают данные лексикостатистики, начинает распространяться и на группы языков, связанных более глубоким родством, чем подгруппа или группа. В частности, так обстоит дело в некоторых группах папуасских языков. В качестве примера приведем лексикостатистические данные по языкам группы Сепик Хилл (северо-запад Папуа – Новой Гвинеи) [16] (см. таблицу выше на данной странице).

	ала	кап	ват	сум	би с	ма р	ба х	би т	са н	сет	габ	ум	хев
канингра	46	40	35	44	39	34	31	29	27	21	16	22	21
аламблак		43	42	56	39	39	35	33	29	23	15	23	20
каприман			64	57	57	47	38	42	38	32	24	33	31
ватакатауи				63	51	46	46	39	35	28	19	28	28
сумариуп					49	50	48	42	44	30	23	34	32
бисис						53	49	41	35	30	19	27	27
мари							45	35	31	25	17	28	23
бахинемо								55	36	35	25	37	32
битара									46	36	28	32	30
санио										49	28	33	35
сетиали											40	49	43
габиано												51	38
умаироф													59
хева													

В географическом отношении языки Сепик Хилл представляют собой своеобразную языковую цепочку, начинающуюся языком канингра и заканчивающуюся языками умаироф и хева. Даже особое положение языка габиано может быть объяснено его географическим расположением. Данные лексикостатистики со всей очевидностью подтверждают действие принципа языковой непрерывности в этом ареале.

С другой стороны, метод глоттохронологии не дает надежных результатов и при количестве общей лексики менее 15 – 20%. Как это ни печально, но, если этот процент ниже, то надежно доказать родство языков фактически невозможно, а полученные результаты, даже при всем их правдоподобии, будут всегда вызывать критику противников. В частности, так обстоит дело с алтайскими языками. Исследо-

вания С. А. Старостина показали, что эти языки (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, японский и корейский) являются родственными друг другу, но их лексикостатистические списков совпадают примерно на 20%, что находится на самой границе применения метода глоттохронологии.

В этом отношении очень показательны данные по эскимосско-алеутским языкам. Исследование, проведенное Н. Б. Вахтиным и Е.В Головки [17], привело к следующим результатам (использовался стословный список и старая методика) (см. таблицу выше на данной странице):

	лаб	кан	алу	ц.-ю	нау	Св.Л	чап	сир
алеутский	12	10	13	9	10	8	9	15
лабрадорский		87	40	49	49	52	51	40
канадский			42	55	54	55	54	43
алютик				73	62	59	58	44
центрально-юпикский					71	67	67	44
науканский						77	76	57
о-ва Св. Лаврентия							96	61
чаплинский								62
сиренинский								

Процент родственных слов между алеутским языком и эскимосскими языками оказался настолько низким (от 8 до 15%), что говорить об их генетическом родстве не представляется возможным. По крайней мере, оно не мо-

жет быть надежно доказано, поэтому до сих пор в силе остается традиционная классификация, согласно которой эскимосские и алеутский языки объединяются в единую «семью» лишь вследствие их географического соседства, близости культуры и на основе некоторых типологических признаков. Но, несомненно, что подобный результат является своеобразным сигналом, побуждающим весьма скептически относиться к сложившейся традиции.

Итоги тривиальные и нетривиальные

Использование метода глоттохронологии привело в ряде случаев к существенному пересмотру традиционных представлений о степени взаимоотношения родственных языков. Подобный пересмотр произошел даже в отношении хорошо и давно изученных языковых групп и семей.

Естественно, что во многих случаях глоттохронологические вычисления подтвердили выводы, сделанные традиционной исторической лингвистикой. Так, например, подсчеты, сделанные на материале балто-славянских языков, полностью вписались в существующую схему их классификации. Приведем процентные итоги этого сравнения (расчеты проводились по старой методике) [18] (см. таблицу выше на данной странице).

	ла	пр	ру	ук	бе	по	че	сл	нл	вл	сл	се	ма	бо
лит.	68	49	47	47	47	43	44	46	46	46	44	44	45	46
латв.		44	45	40	44	40	41	42	43	45	40	41	41	42
прус.			41	41	40	39	42	42	42	42	40	41	39	40
рус.				86	86	77	74	74	73	74	74	71	70	74
укр.					92	76	73	76	74	74	71	73	71	72
бел.						80	77	80	78	78	76	77	74	77
польск.							81	85	83	80	79	75	71	74
чеш.								92	87	87	84	79	75	74
словац.									87	86	80	80	76	75
н.-луж.										94	78	74	73	71
в.-луж.											78	77	76	73
словен.												85	75	76
серб.													84	80
мак.														86
болг.														

В результате были подтверждены все основные традиционные положения балто-славянского языкознания: 1) славянские языки распадаются на три подгруппы (восточную, западную и южную), 2) расхождения между этими тремя подгруппами примерно одного уровня, 3) прусский язык, судя по всему, следует относить к особой группе, занимающей промежуточное положение между собственно балтийскими (литовским и латышским) и славянскими языками [19].

Несомненно, что польза от подобных выводов достаточно велика, так как они лишний раз подтверждают факты, полученные в результате изучения истории языков по традиционным лингвистическим методикам.

Намного более важными представляются, однако, нетривиальные результаты, порой полностью переворачивающие

традиционные представления о степени генетической близости языков.

Типичным примером такой «революции», произведенной глоттохронологией, стал лексикостатистический анализ австронезийских языков, осуществленный И. Дайеном [20]. Его результаты оказались столь сенсационными, что лингвисты до сих пор не могут поверить в них. Вместо традиционного (основанного на антропологическом и географическом принципе) делении австронезийских языков на четыре группы: индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую, И. Дайен выделил 40 групп австронезийских языков, большую часть среди которых (34) составляют группы языков, относившихся ранее в меланезийским, а почти все индонезийские и все полинезийские языки, включая, помимо этого, ряд старых меланезийских и микронезийских, объединены в единую малайско-полинезийскую группу [21].

Полученные результаты заставили И. Дайена коренным образом пересмотреть и представления о происхождении австронезийских языков. Согласно его подсчетам, единый праавстронезийский язык мог существовать примерно 3 тыс. лет до н. э. Носители этого праязыка жили в Западной Меланезии (на Новой Гвинее, в архипелаге Бисмарка и на Соломоновых островах) [22].

Неожиданные результаты были получены и автором данной статьи по индоарийским языкам, в частности, относи-

тельно места среди них цыганского языка (языков). Согласно традиционным классификациям, цыганский язык многими исследователями а priori относится к центральным индоарийским языкам и считается близким к хинди [23]. Однако же глоттохронологический анализ недвусмысленно указывает на его особое положение внутри индоарийской языковой группы (подсчеты проводились по методике Старости-на) [24] (см. таблицу выше на данной странице).

	с.-рус.	фин.	боша	парья	хинди	пандж.	непал и
кэлдэрарский	95	95	85	73	74	67	63
сев.-русский		96	85	72	75	69	64
финский			85	74	75	68	64
боша				83	82	80	70
парья					89	86	72
хинди						95	78
панджаби							76
непали							

Степень близости проанализированных индоарийских языков Индостана оказалась больше, чем их близость к цыганским языкам (диалектам), что позволяет выделить особую цыганскую подгруппу внутри индоарийской языковой группы. Особое положение, судя по всему, занимает и непальский язык, однако соображения о его взаимоотношениях с другими индоарийскими языками пока не выходят за пределы гипотез.

Лексикостатистический анализ позволил по-новому

взглянуть на классификацию тюркских языков. Подсчеты, проведенные по методике Старостина, привели к следующим выводам [25].

1. Разделение тюркских языков на четыре самые древние ветви (якутскую, тувинскую, болгарскую и западную) произошло практически одновременно в течение трех первых веков нашей эры.

2. Якутский и тувинский язык не обнаруживают особой близости друг к другу и должны рассматриваться как принадлежащие к разным подгруппам.

3. Другие тюркские языки Сибири и Китая (были рассмотрены хакасский и саларский), видимо, относятся к основной (западной) подгруппе тюркских языков, хотя и выделились из нее ранее, чем остальные языки этой подгруппы.

4. Болгарская подгруппа (чувацкий язык) равноудалена от других подгрупп тюркских языков и выделилась из единого тюркского праязыка не ранее (а, возможно, даже несколько позже), чем другие ветви.

Эти результаты, опять же, отличаются от традиционной классификации, основанной на географическом, фонетическом и морфологическом принципах [26].

Выводы

Итак, в настоящее время метод глоттохронологии остается единственным надежным методом, позволяющим про-

изводить относительную и абсолютную датировку времени языковой дивергенции. Он может использоваться в нескольких целях:

1) Установление предположительного родства сравниваемых языков и ориентировочное выявление степени этого родства. Подобную работу целесообразно проводить в тех случаях, когда степень родства языков неясна или даже непонятно, родственны ли они вообще. Соответственно и процесс составления списков может не быть абсолютно строгим.

2) Определение относительной хронологии, т.е. порядка отделения различных родственных языков от единого ствола. Эта работа может проводиться лишь тогда, когда родственные отношения языков уже установлены, однако не ясны их взаимоотношения внутри одного таксономического единства. Требования к строгости составления списков здесь выше, чем в предыдущем случае.

3) Определение абсолютной хронологии, т.е. конкретного времени расхождения языков. При подобном использовании метода глоттохронологии необходимо очень тщательное составление списков с учетом семантических особенностей включаемых в них слов, внимательный анализ их этимологии и исключение заимствований. Только в таком случае результаты абсолютной глоттохронологии могут быть признаны достоверными.

Именно от этого подхода мы вправе ожидать достаточно сенсационных результатов уже в самом ближайшем буду-

щем. Для этого даже не нужно проводить слишком кропотливой работы (хотя, конечно же, занятия глоттохронологией требуют определенного труда, а не абстрактных эссеистических рассуждений). Намного важнее преодолеть косную традицию, основанную порой только на авторитете давно изживших себя теорий.

Примечания

Впервые статья была опубликована в журнале: Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2002. – №1. – С. 15—23.

1. *Swadesh M.* Lexicostatistic Dating of Prehistoric Ethnic Contacts with Special Reference to North American Indians and Eskimos // *Proceedings of the American Philosophical Society.* – Vol. 96. – 1952.

2. См., например, статью: *Swadesh M.* Diffusional Cumulation and Archaic Residue as Historical Explanations // *South-Western Journal of Anthropology.* – Vol. 7. – 1950.

3. *Swadesh M.* Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // *International Journal of American Linguistics.* – Vol. 21. – 1955.

4. *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике.* – Вып. 1. – М., 1960. – С. 23—52; *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании. –

Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 53—87.

5. См.: *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Материалы к дискуссиям международной конференции). – Т. 1. – М., 1989. – С. 3—39.

6. *Калыгин В. П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. – М., 1989. – С. 203.

7. Об этом много и неоднократно писалось. См., например, анализ семантических сложностей списка М. Сводеша в работе: *Bromley M.* The Linguistic Relationships of Grand Valley Dani: A Lexico-statistical Classification // *Oceania*. – V. XXXVII. – 1966. – P. 286 – 291. Ср. также: *Хойер Г.* Лексикостатистика (Критический разбор) // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 88—107; *Звегинцев В. А.* Лексикостатистическое датирование методом глоттохронологии (лексикостатистика) // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 15.

8. Впрочем, эта точка зрения не общепринята; имеются гипотезы и об исконном происхождении этого слова, см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1986. – С. 409—410.

9. Там же. – С. 702—703. Точка зрения, опять же, не общепринятая; по мнению О. Н. Трубачева, слово может быть заимствовано из тюркских языков, см.: *Трубачев О. Н.* Славянские названия домашних животных. – М., 1960. – С. 29.

10. *Фасмер М.* Указ. соч. – С. 267. Есть и другие гипотезы.
11. *Дьячок М. Т.* Глоттохронология цыганских диалектов Европы и Азии // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – №1. – С. 34—36.
12. Там же. – С. 37—40.
13. *Сводеш М.* Лингвистические связи Америки и Евразии // *Этимология*. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования. – М., 1965. – С. 272—311. См. там же подробные примечания А. Б. Долгопольского (с. 311—322).
14. Первая цифра обозначает число родственных слов, цифра в скобках – общее число слов, участвовавших в сравнении. Далее указан процент родственной лексики.
15. См. *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. – М., 1990. – С. 125.
16. *Dye W., Townsend P., Townsend W.* The Sepik Hill Languages: A Preliminary Report // *Oceania*. – V. XXXIX. – 1968. – №2. – P. 153. Подсчеты проводились по стословному списку М. Сводеша, дополненному еще 20 словами.
17. *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Соотношение языков эскимосско-алеутской семьи по лексикостатистическим данным // *Лингвистические исследования*. 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. – М., 1986. – С. 55.
18. *Girdenis A., Mažiulis V.* Baltų kalbų divergencinė chronologija // *Baltistica*. – T. XXVII (2). – Vilnius, 1994. – P. 9.
19. Как писал об этом В. Н. Топоров, «роль славянских лексических параллелей к прусскому языку *исключитель-*

на», см.: *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А – D. – М., 1975. – С. 5.

20. *Dyen I.* The Lexicostatistical Classification of the Malayo-Polynesian Languages // *Language*. – V. 38. – 1962; *Dyen I.* A Lexicostatistical Classification of the Austronesian Languages. – Baltimore, 1965. И. Дайен использовал 196-словный список, в основу которого лег список М. Сводеша.

21. *Сирк Ю. Х.* Австронезийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. – М., 1982. – С. 218.

22. Подробно об этом см.: *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. – М., 1986. – С. 151—153.

23. См.: *Зограф Г. А.* Языки Южной Азии. – М., 1990. – С. 31. Имеются также попытки сблизить цыганский язык и с другими языками Индостана, в частности, с гуджарати, см.: *Kochanowski J.* Trois enigmes tsiganes // *Lingua posnaniensis*. – Т. XXV. – Warszawa – Poznań, 1982. – P. 107.

24. *Дьячок М. Т.* Глоттохронология цыганских диалектов. – С. 39—40.

25. *Дьячок М. Т.* Глоттохронология тюркских языков (предварительный анализ) // *Наука. Университет*. 2001. Материалы второй научной конференции. – Новосибирск, 2001. – С. 15—16.

26. *Самойлович А. Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пг., 1922. – С. 15. Подробно о различных схемах классификации тюркских языков см.: *Га-*

Гаджиева Н. З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 100—126; *Гаджиева Н. З.* Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 527.

Лексикостатистический список С. Е. Яхонтова: проблема верификации

Лексикостатистический список С. Е. Яхонтова был предложен известным советским лингвистом-востоковедом в начале 1960-х гг. Он представляет собой несколько видоизмененный список М. Сводеша [1], разбитый на две части. Первый из этих списков включает 35 слов: *ветер, вода, вошь, глаз, год, дать, два, знать, зуб, имя, камень, кость, кровь, кто, луна, новый, нос, огонь, один, полный, рог, рука, рыба, собака, солнце, соль, ты, умереть, ухо, хвост, что, этот, я, язык, яйцо*. 32 слова входят в 100-словный список М. Сводеша, 3 слова (*ветер, год* и *соль*) добавлены С. Е. Яхонтовым. По мнению С. Е. Яхонтова, этот список включает наиболее устойчивую лексику любого языка мира. Второй список включает 65 слов и содержит менее устойчивую лексику.

Список С. Е. Яхонтова, составленный из 35 слов, в отличие от списка М. Сводеша, изначально не был рассчитан на проведение каких-либо углубленных лексикостатистических исследований. Его предназначение – сориентировать исследователя в вопросе, являются ли данные языки родственными и в какой мере.

Преимуществом 35-словного списка является его крат-

кость, которая позволяет быстро определить, являются ли анализируемые языки родственными или нет. Естественно, наиболее плодотворной сферой применения списка С. Е. Яхонтова являются малоизученные языки, еще сохранившиеся в настоящее время в Латинской Америке, Африке, Новой Гвинее и отдельных районах Азии. Генеалогическая классификация этих языков до сих пор разработана недостаточно. Существует большое число языков, которые считаются изолированными или «неклассифицированными» (этот термин используют в случае недостатка данных). Кроме того, возможно применение списка и в тех случаях, когда родственные связи тех или иных языков до сих пор вызывают споры (так обстоит дело, например, с чукотско-корякскими и ительменскими языками [2]).

Статистические параметры определения степени языкового родства при использовании 35-словного списка С. Е. Яхонтова были предложены С. А. Старостиным [3]. Кратко они могут быть сформулированы следующим образом:

1. Близкородственные языки (например, славянские или германские) имеют более 30 родственных слов в списке.
2. Языки, родственные на уровне языковых групп внутри языковой семьи (например, индоевропейской), насчитывают более 15 родственных слов в списке.
3. Языки, родственные на уровне макросемей (например, ностратической), имеют более 5 схожих слов в списке.

4. Если же количество родственных слов меньше 5, то это означает, что либо данные языки не являются родственными вообще, либо их родство настолько далеко, что не может быть доказано методами традиционного сравнительно-исторического языкознания. Сходство слов при этом возникает в результате заимствования или случайного совпадения.

Проблема, однако, состоит в том, что в случае, когда мы имеем дело с малоизученными языками, говорить о родстве слов можно только предположительно. Обычно в качестве гипотетически родственных слов рассматриваются слова, имеющие одинаковое значение и близкие по своему внешнему облику. Так, в частности, долгое время анализировались лексикостатистические списки по папуасским языкам [4].

В результате основным критерием при определении близости языков оказывается не действительное генетическое родство слов, а их фонетическое сходство. Следует, однако, отметить, что в случаях, когда языки претерпевают существенные фонетические изменения, сходство даже родственных слов может отсутствовать, ср., напр., испанское *agua* и французское *eau* «вода» (<лат. *aqua*) или индонезийское *dua* и иааи (меланезийский язык Новой Каледонии) *lo* «два» (<праавстронез. *duva').

Таким образом, если родственные связи языков не установлены (а именно на работу с такими языками во многом и рассчитан список С. Е. Яхонтова), то на практике

приходится учитывать лишь внешнее подобие слов. Естественно, что точного критерия «похожести» слов предложить нельзя: одна и та же пара слов может казаться похожей для одного человека и непохожей для другого. Тем не менее, существуют и явно сходные слова, ср., напр. русское *новый* и итальянское *nuovo* или индонезийское *darah* и иааи *dra* «кровь» (<праавстронез. *ddayah). Именно такие слова и будут принимать участие в анализе.

Чтобы проверить, насколько эффективно применение списка С. Е. Яхонтова в условиях, когда нам неизвестны родственные связи слов, а во внимание принимается лишь их фонетическое сходство, рассмотрим списки по следующим языкам: русскому, английскому, испанскому и хинди. Эти языки относятся к разным группам в пределах индоевропейской языковой семьи, причем, как показывают исследования, проводившиеся в различное время и различными учеными, расстояние между этими группами примерно одинаково (см. таблицу).

Рассмотрим, сколько слов из этих списков будут действительно родственными, а сколько – похожими лишь внешне.

	русский	английский	испанский	хинди
1	ветер	wind	viento	havā
2	вода	water	agua	pānī
3	вошь	louse	piojo	jū
4	глаз	eye	ojo	ākh
5	год	year	año	sāl
6	дать	give	dar	denā
7	два	two	dos	do
8	знать	know	saber	jānnā
9	зуб	tooth	diente	dāt
10	имя	name	nombre	nām
11	камень	stone	pieso	patthar
12	кость	bone	hueso	haddi
13	кровь	blood	sangre	xun
14	кто	who	quien	kaun
15	луна	moon	luna	candra
16	новый	new	nuevo	nayā
17	нос	nose	nariz	nāk
18	огонь	fire	fuego	āg
19	один	one	uno	ek
20	полный	full	lleno	bhar-pūr
21	рог	horn	cuerno	sīg
22	рука	hand	mano	hāth
23	рыба	fish	pescado	machlī
24	собака	dog	perro	kuttā
25	солнце	sun	sol	surya
26	соль	salt	sal	namak
27	ты	you	tú	tū
28	умереть	die	morir	marnā
29	ухо	ear	oreja	kān
30	хвост	tail	cola	dum
31	что	what	que	kyā
32	этот	this	este	yah
33	я	I	yo	māi
34	язык	tongue	lengua	jībh
35	яйцо	egg	huevo	andā

Подсчеты дают следующие результаты (см. таблицу).

В русском и английском языке имеется 18 родственных слов: *ветер – wind, вода – water, два – two, знать – know, имя – name, кто – who, новый – new, нос – nose, один – one, полный – full, солнце – sun, соль – salt, ухо – ear, что – what, этот – this, я – I, язык – tongue, яйцо – egg.*

Из них по меньшей мере 8 слов сохраняют фонетическое сходство и воспринимаются как родственные с первого взгляда, без обращения к истории языков: *ветер – wind, вода – water, два – two, новый – new, нос – nose, полный – full, солнце – sun, соль – salt.*

В русском и испанском языках имеется 20 родственных слов: *ветер – viento, дать – dar, два – dos, имя – nombre, кость – hueso, кто – quien, луна – luna, новый – nuevo, нос – nariz, один – uno, полный – lleno, солнце – sol, соль – sal, ты – tú, умереть – morir, ухо – oreja, что – que, я – yo, язык – lengua, яйцо – huevo.*

По крайней мере 10 слов сохраняют фонетическое сходство: *ветер – viento, дать – dar, два – dos, луна – luna, новый – nuevo, нос – nariz, солнце – sol, соль – sal, ты – tú, умереть – morir.*

В русском и хинди имеется 15 родственных слов: *дать – denā, два – do, знать – jāpnā, имя – nām, кость – haddi, кто – kaun, новый – nauā, нос – nāk, огонь – āg, полный – bhar-pūr, солнце – surya, ты – tū, умереть – tarnā, что – kuā, яйцо – andā.*

Родственными с первого взгляда могут быть признаны

по крайней мере 8 слов: *дать* – *denā*, *два* – *do*, *знать* – *jānpā*, *новый* – *nauā*, *нос* – *nāk*, *огонь* – *āg*, *ты* – *tī*, *умереть* – *tarṇā*.

Аналогичные подсчеты могут быть проведены и между другими парами сравниваемых языков: английским – испанским, английским – хинди и т. д.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: в пределах одной языковой семьи (на уровне языковых групп) фонетически сходными оказывается примерно половина родственных слов. Иначе говоря, языки могут быть признаны родственными в пределах одной языковой семьи, если в списке С. Е. Яхонтова имеется не менее 7—8 фонетически близких слов с одинаковым значением.

Нетрудно предположить, что в случаях более отдаленного языкового родства (например, на уровне более глубоких семей или макросемей), количество фонетически близких слов будет существенно меньше. Так, сравнение списка С. Е. Яхонтова для турецкого и японского языков, родственных в пределах алтайской языковой семьи, распад которой произошел значительно раньше, чем индоевропейской (примерно в 6 тысячелетии до н. э.), дает следующие результаты.

В японском и турецком списках оказывается всего 5 родственных слов: «год» (япон. *tosi* – тур. *yıl* <праалт. *dīla), «камень» (япон. *isi* – тур. *taş* <праалт. **tīōl'a*), «один» (япон. *hitotsu* – тур. *bir* <праалт. *birV), «что» (япон. *nan (i)* – тур. *ne* <праалт. **ŋia-*), «я» (япон. *watasi* – тур. *ben* <праалт. **bā-*) [5]. Из них лишь одна пара слов (япон. *nan (i)* – тур. *ne*) близ-

ка фонетически. Прийти к каким-либо значимым выводам на основании одного слова, конечно же, невозможно.

Итак, использование 35-словного списка С. Е. Яхонтова возможно только в том случае, когда глубина языкового родства сравниваемых языков примерно равна возрасту индоевропейской языковой семьи, т.е. находится в пределах 3—4 тыс. лет до н. э. Для определения более отдаленных родственных связей необходимо использовать другие, более точные, методы. Тем не менее, список С. Е. Яхонтова представляет собой достаточно надежный инструмент, позволяющий дать предварительную оценку степени языкового родства и указать лингвисту на направление дальнейших исследований.

Примечания

Впервые статья была опубликована в сборнике: Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспекте. – Новосибирск, 2008. – С. 14—18.

1. См. *Сводеш М.* Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960; *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960; *Дьячок М. Т.* Глоттохронология: пятьдесят лет спустя // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2002. – №1.

2. *Володин А. П.* Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М., 1977. – С. 60.
3. *Starostin S.A.* Old Chinese Basic Vocabulary: A Historical Perspective // Journal of Chinese Linguistics. – V. 8. – Berkeley, 1995.
4. *Леонтьев А. А.* Папуасские языки. – М., 1977. – С. 23.
5. *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М., 1991. – С. 82—107.

Акцентная база (к постановке проблемы)

1. Введение

Сложность и кажущаяся бессистемность правил акцентуации слова во многих языках давно стала притчей во языцех. В свое время А. А. Потехня писал: «Не знать множества формальных и тонических особенностей русского языка, столь сложного по входящим в него стихиям и трудного в формальном и тоническом отношениях, – простительно даже хорошо образованному русскому» [1]. Отсюда – многочисленные попытки дать представление об ударении словарными списками [2] и признание фонологической, по сути дела необъяснимой, сущности словесного ударения в русском языке [3].

Аналогично обстоит дело и при описании других языков, не обладающих стабильной системой ударения. Так, авторы учебника языка масаи, в котором ударение, так же как и в русском, несет смысловоразличительную нагрузку, А. Такер и Дж. Мпааеи [4] разделили свою книгу на две примерно равные части. В первой из них даются основы грамматики, во второй объясняются правила акцентуации.

Таким образом, большая теоретическая важность вопросов акцентуации и неполноценность описания системы уда-

рения классическими описательными способами вынуждают искать новые решения старой проблемы.

2. Определение акцентной базы

Решить проблему упорядочения акцентных типов в любом языке, обладающем нефиксированным ударением, можно, очевидно, лишь нетрадиционными методами. При этом целесообразно исходить из характеристики ударения в тех языках, в которых ударение не несет смысловозначительной нагрузки и является абсолютно или позиционно фиксированным. К первым относятся акцентные системы языков, имеющих ударение:

а) на первом слове фонетического слова (чешский, венгерский, грузинский);

б) на последнем слоге слова (тотальные окситоны) (турецкий, якутский);

в) на втором от конца слога слове (тотальные парокситоны) (польский) и др.

Ко вторым мы относим акцентные системы, место ударения в которых не является абсолютно фиксированным, а зависит от фонетического облика слова. Таковой является, например, акцентная база гавайского языка [5] или египетского варианта разговорного арабского языка [6]. Во многих подобных языках возможны отдельные исключения из общего правила, например, в польском – пропарокситонное ударение

ние в глагольных формах 1 pl. и 2 pl.: *czekáliśmy, czekáliście*, которые, однако, достаточно немногочисленны.

При попытках воспроизведения слов из языков, обладающих другими акцентными системами, носители языков с фиксированным ударением (если они не имеют специальной лингвистической подготовки), как правило, допускают стандартную ошибку, заменяя исконное ударение в этих словах ударением, свойственным их родному языку. Так, для чеха представляет большую сложность акцентирование слов русского языка, в которых он стремится ставить ударение на первый слог слова. В речи говорящих по-русски поляков обнаруживается тенденция ставить ударение на предпоследний слог.

В данных случаях перед говорящими находится правильная система, к которой он в идеале стремится. Всего этого человек лишен в тех случаях, когда он сталкивается с незнакомыми ему словами, встречающимися, например, в письменном тексте. Акцентуация таких слов осуществляется по стандартным правилам языка говорящего: слово **tatata* чех, скорее всего, произнесет с ударением на первом слоге, поляк – на втором, француз – на третьем. Таким образом, налицо явная предрасположенность ставить ударение в конкретном слоге, которая наиболее отчетливо проявляется при воспроизведении асемантических звуковых комплексов (АЗК). Совокупность правил, согласно которым носитель языка ставит ударение в тех случаях, когда он не ориен-

тируется на традиционное произношение, мы называем акцентной базой.

3. Возможности экспериментального исследования акцентной базы

Наиболее удобным способом изучения акцентной базы является анализ акцентуации АЗК, имитирующих неприводные слова данного языка.

Мы провели несложный эксперимент, иллюстрирующий это положение. Двенадцати информантам, для которых русский язык является родным, было предложено прочитать 30 АЗК, среди которых были выделены следующие группы:

- а) АЗК, оканчивающиеся на согласный (5 двусложных, 5 трехсложных);
- б) АЗК, оканчивающиеся на *-а* (5 двусложных, 5 трехсложных);
- в) АЗК, оканчивающиеся на *-о* (5 двусложных, 5 трехсложных).

Были подобраны такие АЗК, которые не вызывали бы у информантов ассоциаций со значимыми словами русского языка. В соответствии с методикой психолингвистического эксперимента опрос был построен таким образом, чтобы испытуемые не догадывались о преследуемых целях.

Результаты эксперимента представлены в приведенной выше таблице.

	Всего ответов	Ударение на слог:		
		последний	предпоследни й	третий от конца
АЗК на согласный	120	97	23	0
АЗК на -а	120	18	97	5
АЗК на -о	120	11	108	1

Исследование показало, что в современном русском языке действуют три правила, характеризующие его акцентную базу:

- 1) Если АЗК оканчивается на согласный, ударение ставится обычно на последний слог.
- 2) Если АЗК оканчивается на гласный, ударение ставится на предпоследний слог.
- 3) Постановка ударения на третий и далее от конца слог не свойственна акцентной базе русского языка.

Схематически тип русской акцентной базы можно представить следующим образом (О – открытый слог, З – закрытый слог, ударный слог выделен жирным шрифтом):

О/З – ... – **О**/З – О

О/З – ... – О/З – **З**

Другим способом изучения акцентной базы может быть наблюдение над речью людей, в недостаточной степени владеющих литературным произношением. В частности, это ка-

сается неправильной постановки ударения в географических названиях: *Бристоль* (прав. *Бри́столь*), *Оса́ка* (прав. *О́сака*), *море Бофо́рта* (прав. *море Бо́форта*), *Кордо́ва* (прав. *Ко́рдова*), *Рабату́л* (прав. *Рабáул*), *Пе́ру* (прав. *Перу́*); иноязычных имен собственных: *Тиндема́нс* (прав. *Ти́ндеманс*), *Франкли́н* (прав. *Фра́нклин*), *Рафаэ́лла Ка́ра* (прав. *Кара́*) и др.

Смещение места ударения в подобных случаях происходит опять же в основном по сформулированным выше правилам: в словах с конечным гласным оно смещается на предпоследний, а в словах с конечным согласным – на последний слог.

4. Типы акцентной базы

Разработка конкретной типологии акцентных баз возможна будет лишь после того, как будет проведено экспериментальное исследование акцентных баз различных языков мира. Пока же мы ограничимся некоторыми общими наблюдениями.

1. Акцентная база всегда должна представлять какое-то системное единство. Это, прежде всего, касается языков с силовым и, по всей видимости, тоническим ударением. Пока неясно, как будет выглядеть акцентная база в тех языках, которые, по мнению исследователей, не знают словесного ударения [7].

2. В языках с силовым ударением акцентная база должна

описываться простым набором правил. В зависимости от наличия или отсутствия взаимосвязи между акцентной базой и фонетическим обликом слова, можно выделить два ее типа:

а) Языки с абсолютно фиксированной акцентной базой. К этой группе будут относиться, в частности, языки, имеющие фиксированное ударение: польский, чешский, венгерский. Кроме того, не исключена возможность того, что в эту группу войдут и некоторые языки, имеющие разноместное ударение.

б) Языки с относительно фиксированной акцентной базой. К таким языкам относится, например, русский, акцентная база которого была охарактеризована выше.

3. Пожалуй, наиболее интригующим и наиболее непонятным остается вопрос о том, каковы причины формирования того или иного типа акцентной базы. Можно ли выводить ее правила только из языковой реальности, или же здесь мы имеем дело с глубинными процессами человеческой психологии и особенно этнопсихологии? В решении этого вопроса необходима осторожность, так как тот материал, которым мы располагаем в настоящее время, весьма незначителен.

5. Акцентная база в диахронии

Поскольку акцентная база представляет собой факт не столько фонетики, сколько психолингвистики (не случай-

но мы определили ее именно как предрасположенность ставить ударение в том или ином слоге), возникает предположение о том, что ее тип должен меняться намного медленнее, чем внешние характеристики ударения. Так, в русском языке определенный выше тип акцентной базы уже существовал по крайней мере в XVII в. Об этом свидетельствуют, в частности, акцентированные записи иноязычных слов (особенно латинских), помещенные в древнерусских словарях XVII в. – азбуковниках, или алфавитах [8]. Постановка ударения в этих словах не имеет ничего общего с нормами традиционной латинской акцентуации, но в то же время практически полностью соответствует правилам русской акцентной базы: *кодéкс* (лат. *códex* «кодекс»), *спиритѹсъ* (лат. *spíritus* «дух»), *суперцилѹмъ* (лат. *supercílium* «бровь»), *преторъ* (лат. *praetor* «претор»), *лякрѹма* (лат. *lácrima* «слеза»), *куникѹли* (лат. *cinículi* «кролики») [9].

На формирование того или иного типа акцентной базы, несомненно, оказывает влияние субстрат. Этим уже давно объясняется, например, изменение места ударения во многих индоевропейских языках (германских, романских, индоарийских). Сложнее оценить степень влияния суперстрата и перстрата. Несомненно, однако, что в некоторых случаях это влияние все же прослеживается. В свое время Р. Якобсон отметил, что в северно-русском диалекте цыганского языка в заимствованных русских словах окситонное ударение всегда переносится на предпоследний слог [10]. Это явление,

на наш взгляд, целесообразно объяснять воздействием акцентной базы польского языка, оказавшего большое влияние на формирование диалекта северно-русских цыган.

Наконец, следует отметить тот факт, что исторические изменения фонетического облика слова могут привести к изменению типа акцентной базы. Так, отпадение конечных гласных в старофранцузском языке привело к тотальной окситонии современного французского языка.

6. Заключение

Предварительное рассмотрение акцентной базы приводит к выводу о том, что носители любого языка обладают определенной психологической установкой, в соответствии с которой они стремятся ставить ударение в том или ином слове. Вторым важнейшим фактором акцентуации является ориентация на традиционное произношение. В одних языках (русский) этот фактор действует достаточно активно, в других (польский, чешский) он полностью утратил свою актуальность. Вопрос о соотношении этих двух факторов еще предстоит исследовать. Однако уже сейчас несомненным является одно: акцентная база – реальность, с которой необходимо считаться при синхронном и диахронном описании языков.

Примечания

Статья была написана в соавторстве с В. В. Шаповалом и впервые опубликована в сборнике: *Opuscula glottologica professori Cyrillo Timofeiev ab discipulis dedicata.* – М., 2002. – С. 16—19.

1. *Потебня А. А.* Ударение. – Киев, 1973. – С. 21.

2. См., например: *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. – М., 1971; *Федякина Н. А.* Ударение в современном русском языке. – М., 1976; *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М., 1977; *Агеенко Ф. Л., Зарва М. В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения. – М., 1984.

3. Ср. *Корецкий Л. В.* О лексической компетенции грамматического правила // *Языкознание в Чехословакии.* – М., 1978. – С. 152.

4. *Tucker A.N., Mraaei J.T.O.* A Maasai Grammar. – London, 1955.

5. *Круна В.* Гавайский язык. – М., 1979. – С. 18.

6. *Oliverius J., Veselý R.* Egyptská hovorová arabština. – Praha, 1976. – S. 18.

7. См. *Касевич В. Б.* О типологии просодических систем // *Исследования звуковых систем языков Сибири.* – Новосибирск, 1984. – С. 187.

8. См.: *Дьячок М. Т., Шаповал В. В.* Вариативность принципов транслитерации латинских слов в русской традиции начала XVII века // *Лексическая и фразеологическая семан-*

тика языков народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 54—62.

9. Примеры взяты из рукописи ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, №25.

10. *Якобсон Р.* О теории фонологических союзов между языками // *Якобсон Р.* Избранные работы. – М. 1985. – С. 98.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Русский язык в начале XXI века: основные тенденции развития

Начало нового века и нового тысячелетия застало русский язык врасплох: в такой невыигрышной социолингвистической ситуации он, видимо, не оказывался на протяжении всей своей истории. Тем не менее, являясь гибким и меняющимся организмом, язык так или иначе пытается приспособиться к новой действительности. Целью данного раздела как раз и является анализ тех изменений, которые происходят в русском языке на современном этапе его развития.

Численность носителей русского языка

Количество носителей русского языка в последнее время регулярно сокращается. К сожалению, дать точные данные по динамике этого процесса вряд ли возможно. Вообще, сама оценка числа говорящих на том или ином языке достаточно условна, так как при этом трудно учесть число лиц других национальностей, говорящих на данном языке, а также

число активных билингвов. Однако попытаемся это сделать приблизительно, на основе имеющихся материалов и логических допущений.

Численность населения России в настоящее время составляет примерно 145 млн. чел. Среди них лица, причисляющие себя к русским, составляют около 83% [1], или 120 млн. чел. Это данные последней переписи населения, состоявшейся в 1979 г.; с тех пор эта цифра вряд ли существенно изменилась, так как активная эмиграция ряда народов (немцы, евреи) и иммиграция русских из Казахстана и стран Средней Азии была компенсирована более быстрым приростом населения среди кавказских и тюрских народов, а также иммиграцией из азиатских стран (Вьетнам, Китай, государства Закавказья и Средней Азии). Среди оставшихся 25 млн. чел., видимо, лишь небольшая часть не владеет русским языком. В число лиц, говорящих только на своем языке (или знающих русский недостаточно для свободного общения) входит часть представителей крупных народов, в достаточной мере осознающих свою национальную самостоятельность (народы Кавказа, татары, якуты, буряты, тувинцы). По ориентировочным подсчетам, число таких лиц вряд ли может превышать 10 млн. чел. Итак, можно предполагать, что в пределах России на русском языке говорят примерно 135 млн. чел.

На территории бывшего Советского Союза расположены еще четыре государства, в которых русский язык имеет очень сильные позиции: Беларусь, Украина, Молдова и Ка-

захстан (а также непризнанные Приднестровье и Абхазия). Население Беларуси – примерно 10 млн. чел., из них подавляющая часть населения (если не все население) владеет русским языком. Население Украины – примерно 50 млн. чел., и, видимо, не менее, чем для двух третей из этого числа (т.е. примерно 35 млн.) русский язык является основным средством общения. В Молдове (вместе с Приднестровьем) насчитывается 4 млн. чел, не менее половины из них знают русский. Наконец, число русскоязычного населения в Казахстане (население 18 млн. чел) может быть оценено на уровне 8 млн. чел. За пределами этих государств проживает еще не менее 5—10 млн. чел. русскоязычного населения (страны Прибалтики, Средней Азии, Израиль, русские эмигранты в Европе, Америке, Австралии и других странах).

Итого, число носителей русского языка в мире может быть оценено примерно в 195—200 млн. чел. Эта цифра существенно меньше, чем названо в справочных пособиях советского времени: 250 млн. чел. в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [2] или справочнике «Народы мира» [3].

При этом необходимо подчеркнуть, что число носителей русского языка постоянно сокращается, как вследствие естественных причин, так и потому, что носители русского языка, живущие за границей (особенно эмигранты в экономически развитых странах) постепенно переходят на местные языки. Что касается положения русскоязычного населения

в странах бывшего СССР, то благополучно для русского языка ситуация складывается лишь в Беларуси, где он, судя по всему, еще долго (если не насовсем) останется основным языком. Сложнее ситуация на Украине, однако, надо думать, что и там русский язык еще некоторое время будет оставаться живым средством общения.

Таким образом, в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к сокращению численности говорящих на русском языке. Надо полагать, что она будет продолжать действовать и в ближайшие годы, в результате чего число носителей русского языка в течение ближайшего десятилетия сократится еще на 10—20 млн. чел.

Литературный язык [4] и просторечие

Основным противопоставлением внутри современного русского языка ныне является противопоставление литературного языка и просторечия. События в жизни России, происходящие в последние годы, еще больше способствуют углублению различий между этими двумя формами языка.

С социолингвистической точки зрения у носителей литературного языка и просторечия имеются свои достаточно четко очерченные группы носителей. Литературный язык — это, прежде всего, средство общения образованных людей, представителей интеллектуальных и творческих профессий, а также отдельных групп государственного аппарата (чинов-

ники, офицеры и т.п.). В основном эта группа людей придерживается западной системы ценности, одна из важнейших среди которых – доверие людей друг к другу, и отвергает криминал.

Просторечие – язык повседневного общения т.н. «просто-го» человека [5] – людей, не получивших достаточного образования и занятых, как правило, неинтеллектуальным трудом, в современной России во многом связанным с криминалом: охранники, торговцы, шоферы, различного рода порученцы (менеджеры), рабочие, безработные и т.п., а также члены их семей. Характерной чертой этой группы людей является ориентация на свою («российскую», а в нынешних условиях фактически уголовную, лагерную) систему ценностей (деньги надо «добывать» любой ценой; цель оправдывает средство; прав преступник, а не потерпевший (*лох*); воровство – это проявление практицизма, умения жить и т.п.). Иными словами, это типичная «культура недоверия», причем как по отношению к обществу в целом, так и друг к другу [6].

Особое место среди них занимает весьма многочисленная в нынешней России социальная группа, занятая полуправильными криминальными промыслами: воровством, грабежами, разбоем, попрошайничеством, вымогательством, торговлей наркотиками и оружием, проституцией, сутенерством, мошенничеством, ростовщичеством, сбытом краденного и т. п. [7]. По постоянно мелькающим в прессе данным,

число подобных людей и членов их семей может составлять до 30% от всего населения России. Относительно состава этой группы следует подчеркнуть три момента:

Во-первых, современная ситуация в России привела к тому, что быть представителем этой группы считается престижным, особенно среди молодежи из числа «простых» людей. Не вдаваясь в психологические причины такого положения вещей, отметим возможность быстрого добывания денег, а также неизбежно сопровождающий образы «разбойников» романтический ореол.

Во-вторых, многие люди из числа тех, кто занят на «штатной» работе, в действительности обслуживают подобный полуправильный криминал: охранники (которые на самом деле оказываются боевиками военизированных группировок), шоферы (в подобных же группировках или, скажем, развозящие проституток), бизнесмены (помогающие отмывать деньги), юристы («разваливающие» уголовные дела и помогающие преступникам избежать ответственности) и т. п. Для значительного числа людей официальная работа – это всего лишь «крыша», позволяющая беспрепятственно заниматься полукриминальной деятельностью (например, для части преподавателей вузов, основным доходом которых являются взятки со студентов).

В-третьих, широкое распространение полуправильного криминала привело к тому, что сократилась сфера деятельности традиционного, полностью нелегального, кримина-

ла. В результате – отмечаемое исследователями сокращение сферы функционирования уголовного жаргона, который активно заменяется именно просторечием [8].

На наш взгляд, именно эта социальная группа в настоящее время является тем ядром, внутри которого происходит развитие просторечия, как формы, альтернативной русскому литературному языку.

Весьма показательны, что, оказавшись в иноязычном окружении, многие русские сохраняют привычные им в России сферы деятельности. Отсюда – постоянные разговоры о «русской мафии» и активное неприятие русскоязычного населения во многих странах Америки и Европы.

Сам факт существования внутри русского языка такой формы как просторечие вызывал и продолжает вызывать удивление среди многих лингвистов. З. Кестер-Тома с уважением назвала русское просторечие лингвистическим феноменом, «к которому почти нет адекватного явления в других языках» [9]. Действительно, среди обществ, соприкасающихся с европейской культурной зоной, Россия (а также другие русскоязычные или частично русскоязычные государства: Беларусь, отчасти Украина и Молдова, в еще меньшей мере Казахстан и Кыргызстан) представляют собой уникальное явление, поскольку ни в одном из европейских государств общество не разорвано на две социальные группы, ориентирующиеся на различные (а часто и прямо противоположные) системы ценностей. Именно фактом сосуще-

ствования двух этих социолингвистических групп, на наш взгляд, можно объяснить своеобразие и неповторимость русского просторечия [10].

Отношения между носителями литературного языка и просторечия весьма непросты. В самой мягкой форме они могут быть названы «напряженными». Для нынешнего этапа развития страны характерна настоящая массированная атака «простых» людей против «интеллигенции», с которой отождествляют всех носителей литературного языка. Устрашенное мощью криминальной вольницы, ослабевшее государство вынуждено делать вид, что понимает и поддерживает «простого» человека. В этой связи показательны резкие нападки на «интеллигентов», которые в последнее время все чаще слышатся из уст людей, лояльных по отношению к власти (ср., например, высказывания политика Г. Павловского, писателя М. Веллера, публициста М. Соколова и др.).

Оценить число носителей литературного языка и просторечия очень сложно. Какие-либо данные по этому поводу отсутствуют. Можно лишь предположить, что носителей просторечия среди современного русскоязычного населения значительно больше, чем носителей литературного языка. С большой долей гипотетичности можно допустить, что в настоящее время две трети всех носителей русского языка владеют исключительно просторечием, одна треть использует в общении только литературный язык или являются активными билингвами (т.е. владеют как литературным языком,

так и просторечием) [11].

Можно с большой долей вероятности предположить, что, если не изменятся существующие условия, то доля носителей просторечия будет возрастать, а доля носителей литературного языка сокращаться.

Основные черты современного русского просторечия

Как ни странно это звучит, но в современном русском просторечии сформировалась своеобразная «норма», владение которой позволяет узнать «своего» – носителя просторечия.

Отметим лишь некоторые наиболее характерные черты этой просторечной «нормы». В их числе – активное использование следующих языковых средств.

В фонетике:

1. Повышенная, по сравнению с литературным языком, громкость речи. Носителями просторечия это воспринимается как показатель алертности, энергичности, в то время, как меньшая громкость речи, характерная для стандартного речевого поведения носителей литературного языка, представляется им знаком слабости, безволия, «лоховатости».

2. Своеобразная интонация, которая носителю литературного языка кажется «грубой», однако не является таковой для носителя просторечия. В речевом обиходе носителей

просторечия часто встречаются такие типы поведения, как бытовые провокации (*подколы, наезды*), грубые шутки (*приколы*), превентивные, часто абсолютно беспричинные, обвинения (особенно в речи женщин, которые *пилят* своих мужей), сопровождаемые соответствующим интонированием речи. Однако и в остальных случаях интонации носителя просторечия порой значительно отличаются от интонаций носителей литературного языка.

3. Использование оригинальных звукоизобразительных приемов (специфическое хихиканье в очень высокой, визгливой тональности; громкие крики и вопли, заменяющие в определенных ситуациях междометия, и др.).

В то же время необходимо отметить, что звуковой состав общерусского просторечия практически полностью совпадает со звуковым составом литературного языка. В фонетике современного просторечия полностью отсутствуют черты, свойственные традиционным территориальным говорам, например, произношение фрикативного *з*, оканье или яканье.

В лексике:

1. Маты (обсценная, нецензурная лексики). Маты в просторечии не табуированы, как в литературном языке, и выполняют разнообразные и сложные функции. Не вдаваясь подробно в анализ функций этой группы лексики, отметим особо одну из них – идентифицирующую (или кодовую). Эта функция, которая позволяет носителям просторечия опознать своих, таких же носителей просторечия, и противоп-

ставить себя носителям литературного языка [12].

Маты являются неперменным, хотя и не единственным, компонентом инвективного поведения, весьма распространенного среди носителей просторечия. Особенностью инвективного поведения является повышенная агрессивность речевого акта (при этом сами носители просторечия часто воспринимают ее как шутивную), которая совершенно не свойственна стандартному поведению носителей литературного языка. Вообще, сама система взаимоотношений между носителями просторечия во многом основана на тотальном недоверии и неприязни (скрытой или открытой). Незнакомый собеседник часто воспринимается если не как враг, но по крайней мере как лицо, от которого всегда можно ожидать подвоха. Типичная позиция носителя просторечия по отношению к другому человеку может быть выражена словами: «Тебе меня не обмануть, а я тебя, если захочу, обману» [13].

2. Жаргонизмы и жаргоноиды. По наблюдению В. Б. Быкова, «в настоящее время наблюдается активное использование в устной речи слов, словосочетаний и устойчивых выражений из сферы субстандарта» [14]. Можно привести немало примеров слов, которые еще недавно были принадлежностью жаргона (прежде всего криминального), но в дальнейшем стали употребляться в просторечии (и даже в литературном языке!) как вполне «нормативные»: *беспредел, дать по рогам, бабки, бухарь, барыга* [15], *мочить, бадяжить, ко-*

зёл (как ругательство) и др. При этом подобные слова могут употребляться в своем первоначальном, жаргонном значении (жаргонизмы) или же приобретать новые значения (жаргоноиды).

3. Лексика, специфическая именно для просторечия, которую нельзя при этом отнести к упомянутым выше группам. Ср. абсолютно нейтральное для просторечия употребление слов: *мужик* (лит. *мужчина*), *баба* (лит. *женщина*), *пахан* (лит. *отец*), *тёлка* (лит. *девушка*), *пацан* (лит. *юноша, подросток, мальчик*), *тачка* (лит. *автомобиль*), *бабки* (лит. *деньги*), *водила* (лит. *шофёр*), *ихний* (лит. *их*) [16]. Число таких слов очень велико, среди них много экспрессивной по происхождению лексики, особенно глаголов: *врубаться* (лит. *понимать*), *шарахнуть* (лит. *ударить*), *вкалывать* (лит. *работать*), *ломануться* (лит. *броситься*), *притаранить* (лит. *принести*), *падать* (лит. *садиться*) и т. п. В большом количестве представлены разнообразные варианты литературной лексики: *свекла́*, *до́говор* (мн. ч. *договорá*), *кило́метр* и др. Интересно, что в просторечии продолжают активно использоваться отдельные слова, уже забываемые в литературном языке, например, некоторые термины родства и свойства – *кум*, *деверь*, *золовка* и др.

4. Эвфемизмы и дисфемизмы. Эвфемизмы употребляются в ситуациях, когда носители просторечия переключаются на «вежливый» (в их понимании) регистр речи. Характерными показателями просторечия являются, например, глаголы

кушать (лит. *есть*), *подъехать* (лит. *приехать*), уменьшительные эвфемистические образования типа *яички* [17], *колбаска*, *мяско* и т. п. Дисфемизмы же, напротив, используются в тех случаях, когда носители просторечия стараются говорить «грубо» (опять же в их понимании), особенно часто в ситуациях инвективного поведения.

В словообразовании и грамматике:

1. Специфические именно для просторечия формы имен собственных, образуемые при помощи суффиксов *-ок*, *-ян*, *-(ю) ха*: *Ленок* (*Елена*), *Санёк*, *Саня* (*Александр*), *Толян* (*Анатолий*), *Костян* (*Константин*), *Катюха* (*Екатерина*), *Лёха* (*Алексей*) и др.; ср. также *Серый*, *Серёга* (*Сергей*), *Макс* (*Максим*) [18].

2. Обращение на *ты*. Обращение на *Вы* в среде носителей просторечия может быть воспринято как манерность и даже как оскорбление, в крайнем случае, это показатель невладения просторечной «нормой».

3. Специфические речевые конструкции, например, с использованием слов *типа*: *Кто у вас типа за главного?* (лит. – *Кто ваш начальник, руководитель?*); *короче*: *Ну он, короче, подваливает* (лит. – *Он подходит*) и др..

Интересно отметить, что в просторечии явно выделяются женский и возрастной варианты. Ср., например, женские выражения: *Прям!*; *Чё попало!*; *Чё к чему?*, не используемые обычно в речи мужчин, или лексику, употребляемую исключительно в речи пожилых людей: *просют*, *полуклиника*, *сы-*

мать [19].

Несомненно, что в просторечии выделяются и локальные варианты (имеющие, впрочем, лишь очень опосредованное отношение к старым территориальным говорам, об этом см. ниже). Однако это вполне естественно для огромной территории распространения русского языка.

Наконец, еще одной характерной, хотя и периферийной особенностью просторечия является более активное, чем в литературном языке, функционирование в нем т.н. «детской» речи (в понимании Ч. Фергюсона, т.е. речи, при помощи которой взрослые общаются с детьми [20], в русском языке она носит, в частности, название *сюсюканье*), ср. такие слова, как *вава* «больно; рана», *масенький* «маленький», *ав-ав* «собака», *ути* «ах ты», *цё* «что» и др.

Все эти и многие другие особенности просторечия до сих пор очень слабо изучены, несмотря на то, что об актуальности исследования этой сферы писали многие известные лингвисты [21].

Различия между просторечием и литературным языком, конечно же, не стоит преувеличивать. Несомненно, что в большинстве речевых ситуаций носитель литературного языка поймет носителя просторечия и наоборот. Этому во многом способствуют электронные средства массовой информации (телевидение, радио, интернет), которые, с одной стороны, используют в своей деятельности достаточно стандартный литературный язык (с отдельными просторечными

вкраплениями), а, с другой стороны, дают возможность носителям литературного языка знакомиться с образцами просторечия по популярным ныне фильмам и сериалам из жизни представителей криминальных и полукриминальных слоев. Однако часто это знание оказывается пассивным. В то же время многие носители просторечия не владеют литературным языком активно, так же, как и многие носители литературного языка не владеют активно просторечием. В этом отношении две рассматриваемые нами формы речи действительно ведут себя почти как разные языки.

Социальные и территориальные диалекты

В лингвистической литературе можно встретить большое количество различных терминов, употребляемых при назывании одних и тех же разновидностей языка. Отсюда может сложиться впечатление, что таких разновидностей в современном русском языке действительно много. Однако даже поверхностный анализ показывает, что ситуация здесь не столь запутана.

Прежде всего, можно уверенно говорить, что теперь уже полностью исчезли т.н. условные языки – тайные формы речи, использовавшиеся в прошлом торговцами и ремесленниками. Также не употребляются и пограничные пиджины (амурский, кяхтинский, русско-норвежский и др.) существование которых отмечено еще в начале XX века [22].

Не совсем понятно, в какой мере можно говорить сейчас о специальном воровском арго – тайном языке воров, известном под названием «блатная музыка». Оно было зафиксировано и неплохо описано в конце XIX – начале XX вв. [23]. Есть основания считать, что сейчас специальное воровское арго, если и употребляется, то только среди преступников, придерживающихся старых воровских традиций, в остальной же массе его функции, судя по всему, перешли к просторечию и близкому к нему криминальному (уголовно-лагерному) жаргону, в меньшей степени ориентированному на сокрытие смысла высказывания.

Достаточно сложно обстоит дело и с территориальными диалектами (говорами). Еще совсем недавно они были любимой сферой приложения сил провинциальных филологов. Сейчас же территориальных диалектов в чистом виде, видимо, больше не существует (исключение, возможно, составляют отдельные островные говоры в отдаленных районах Сибири и Севера, однако и это не очевидно) [24]. С одной стороны, это вызывает некоторое сожаление, так как отдельные формы диалектной речи теперь уже, судя по всему, утрачены безвозвратно. Так, совершенно случайно в середине 1980-х гг. автор этих строк смог собрать интересные (пока еще не опубликованные) материалы по уникальному говору переселенцев из белорусского Полесья на территории Каргатского района Новосибирской области. В настоящее время этот говор уже может считаться мертвым. Однако, с другой

стороны, территориальные говоры стали поистине неисчерпаемым источником для пополнения лексики просторечия и жаргонов. Об этом стоит поговорить особо.

Тот факт, что диалектная лексика в большом количестве вошла в состав просторечия и жаргонов, уже давно подмечался многими авторами. Так, еще в 1976 г. О. А. Лаптева писала: « [Просторечие] – это остатки диалекта в речи городских жителей» [25]. Впрочем, признанию тесной взаимосвязи территориальных говоров, с одной стороны, и просторечия и жаргонов, с другой, постоянно мешали идеологические догмы. Вспоминается дискуссия, возникшая в 1995 г. на международной конференции «Аборигены Сибири» (Новосибирск), когда тезис о том, что именно территориальные говоры являются основным источником пополнения жаргонной лексики, был очень болезненно воспринят традиционно настроенными лингвистами. По их мнению, российское «крестьянство» и криминальные слои не имеют ничего общего. Однако можно ли назвать крестьянством тот специфический люмпенизированный слой общества, сложившийся в деревне за годы советской власти, который до сих пор остается главным резервом пополнения криминальных кругов? [26]

Начало исчезновению территориальных говоров было положено коллективизацией и энергичными переселениями людей из одного конца страны в другой во время сталинских репрессий. «Вторая отмена крепостного права» (выдача кол-

хозникам паспортов во время правления Н. Хрущева) значительно способствовала миграции получивших свободу сельских жителей из деревни в города.

На смену старым русским говорам приходят новые территориальные варианты русского языка. Очень показательным, что это варьирование касается в подавляющей массе просторечия. Примеры из литературного языка крайне немногочисленны, да и те порой находятся на грани литературного языка и просторечия, ср. московское *песок* (лит. *сахар*, *сахарный песок*), *палатка* (лит. *киоск*), петербургское *лестница*, *парадное* (лит. *подъезд*), *кура* (лит. *курица*), *латка* (лит. *миска*) [27]. В просторечии же таких примеров намного больше: волгоградское *микишка* «голова», *гондобить* «делать кое-как», *нахалтай* «даром», пермское *жарёха* «жареные грибы», *уросить* «капризничать» [28], Кировское (вятское) *подловка* «чердак», новосибирское *лайба* «автомобиль, машина» и др. Насколько это новое территориальное деление просторечия восходит к старым говорам, не вполне понятно. Несомненно, что какая-то часть «новых» диалектизмов может восходить к «старым» диалектам. Однако на формирование лексики новых территориальных говоров могут влиять и другие факторы, например, то, в каких лагерях (зонах) отбывали срок многие жители этого региона. Этот вопрос еще предстоит изучить. Необходимо также выделение профессиональных, возрастных, половых и других говоров внутри просторечия.

Изучение русского языка в России и за рубежом

Похоже, никто уже не удивляется тому факту, что до сих пор изучение русского языка в России находится на довольно низком уровне. Казалось бы, в эпоху, когда появилась мода на национализм, а правящие люди твердят об «особом российском» пути развития страны, ситуация должна была бы быть совсем иной. На самом деле это не так. Попробуем разобраться, почему.

Во-первых, традиция очень специфического, выборочного изучения русского языка восходит еще к советской эпохе. В 1991 г. Ю. Н. Караулов так охарактеризовал положение дел в советской русистике: «...текущим языком общества русистика, да, и пожалуй, и лингвистика в целом, никогда по-настоящему не занималась. Больше того, обращение к нему как предмету изучения может показаться не вполне научным делом: ведь мы всегда изучали лучшие образцы, мы привыкли ориентироваться на метров языка, на авторитеты, и старались избегать „отрицательного“ языкового материала» [29]. С тех пор, как были написаны эти слова, прошло десять лет, но до сих пор ситуация изменилась незначительно, и по-прежнему анализ языка часто подменяется безобидным анализом стиля «лучших» писателей – почти точным аналогом того, что в литературоведении иронически называли «мастерствоведением» [30].

Во-вторых, для того, чтобы развивать науку о русском языке, необходимы квалифицированные специалисты. Конечно, в России есть немало талантливых ученых, крупных специалистов в области русистики. Однако в основном это представители старшего поколения, к тому же проживающие, как правило, в Москве и Санкт-Петербурге. Если же взять провинциальные вузы, на кафедрах русского языка которых по идее должна была бы развиваться русистика, то мы обнаружим чрезвычайно плачевную картину. Достаточно взглянуть на сборники трудов российских педвузов, чтобы убедиться в мелочности «проблем», поднимаемых авторами публикуемых там работ по русистике! Конечно, проблемы с хорошими специалистами – это не вина вузов, а их беда, но от этого мало что меняется...

В-третьих, люди, реально влияющие на языковую политику в современной России, подсознательно, видимо, понимают, что **их** родным языком является не русский литературный язык, а именно просторечие, социально также маркированное как язык полукриминальных слоев общества. Стремление (опять же, видимо, подсознательное) избавиться от нежелательных ассоциаций ведет к тому, что языковой вопрос начинает просто замалчиваться или в лучшем случае подменяться различными неактуальными проблемами (вроде анализа стиля писателей XIX века) [31].

Очень показательным в этой связи является табу, которое негласно накладывается на изучение различных сфер

русского языка. Таково, например, отношение к изучению просторечия и жаргонов. Денежных распорядителей, финансирующих исследовательские проекты и напрямую связанных с властью, можно понять – ведь узнаваемые жаргонизмы в речи высокопоставленного лица – это те самые уши, по которым легко можно узнать криминального осла, спрятавшегося под львиной шкурой политика или бизнесмена.

С учетом сказанного можно предположить, что практика «замалчивания» многих проблем в отечественной русистике будет продолжаться, по крайней мере, в течение ближайших лет. Чтобы, однако, немного скрасить эту грустную картину, очертим основные направления, которые, на наш взгляд, представляются особо актуальными в современной науке о русском языке.

1. Изучение русского просторечия. В настоящий момент это, несомненно, важнейшая задача русистики. В перспективе просторечие должно быть описано как отдельный язык. Более частные задачи в этом направлении таковы:

- а) составление словаря общерусского просторечия;
- б) описание фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностей просторечия;
- в) описание территориальных (а также профессиональных, возрастных, половых) разновидностей просторечия;
- г) изучение взаимоотношения просторечия и социальных диалектов (жаргонов);
- д) изучение вклада территориальных и социальных диа-

лектов в общерусское просторечие;

е) изучение взаимоотношения просторечия и литературного языка, в т.ч. социолингвистических проблем литературно-просторечного двуязычия.

2. Описание сохранившихся территориальных говоров.

3. Изучение взаимоотношений русского языка (как литературного языка, так и просторечия) и других языков народов бывшего Советского Союза, в частности проблем двуязычия и билингвизма.

4. Выяснение и описание связей между языком и социальным положением (системой ценностей, картиной мира) носителей разновидностей русского языка: литературного языка (стандарта), просторечия, жаргонов и диалектов. Итогом подобной работы могло бы стать составление «социолингвистического портрета» типичного носителя каждой из этих разновидностей языка [32].

Ситуация в зарубежной русистике заметно лучше. Мало того, наиболее глубокие исследования российских авторов, посвященные русскому языку, печатаются именно за границей. В этом отношении наибольший интерес представляют два издания: выходящий в Нидерландах журнал «Russian Linguistics» и особенно немецкий журнал «Russistik / Русистика». Изданий подобного типа не было в Советском Союзе, не появились они и в России. Остается лишь надеяться на то, что ситуация каким-то (пока, правда, непонятно каким) образом изменится к лучшему.

Некоторые выводы

Итак, русский язык переживает сейчас непростые времена. Это находит выражение в четырех основных тенденциях его развития:

- 1) Сокращение числа носителей русского языка.
- 2) Ослабление позиций литературного языка и активизация русского просторечия, вызванная спецификой социально-политической ситуации в нынешней России.
- 3) Падение интереса к русскому языку за пределами России (и некоторых некоторых других стран бывшего СССР).
- 4) Невысокий уровень современной русистики; замалчивание актуальных проблем и подмена их фиктивными.

В какую сторону пойдет развитие русского языка, во многом зависит от экстралингвистических причин, в частности, от активизировавшегося в последнее время противостояния сторонников западных ценностей (носители литературного языка) и приверженцев «российских» (часто лагерных, уголовных) моральных норм (носители просторечия). Пока перевес, причем существенный, на стороне вторых, несмотря даже на то, что у них есть свои слабые места, прежде всего, низкий уровень образованности. Оттого такими наивными кажутся теперь декларации В. В. Виноградова: «Только в эпоху существования развитых национальных языков... литературный язык как высший нормированный тип обще-

народного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной национальной нормы» [33].

Впрочем, исторический опыт различных народов мира показывает, что принцип автаркии, как бы энергично он ни претворялся в жизнь, в современных условиях не способствует созданию стабильного государства, а, следовательно, и формированию языка, ориентированного лишь на обслуживание внутренних потребностей общества. Несомненно, что русскому языку (в его просторечной разновидности) нельзя и дальше оставаться «официальным» языком криминальных слоев, зоны и армии (которая в ее нынешнем виде мало чем отличается от зоны). Хочется надеяться, что в борьбе с почти вышедшей из-под контроля русской криминальной стихией власти нынешней России проявит достаточно благоразумия для того, чтобы опираться в этой борьбе на испытанные мировые традиции, а не на сомнительные «истинно российские» ценности.

Примечания

Впервые статья была опубликована в журнале: Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – №2. – С. 4—15.

1. Народы мира. Историко-географический справочник. – М., 1988. – С. 544; Брук С. И. Население мира. Этнодемо-

графический справочник. – М., 1981. – С. 206.

2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 429.

3. Народы мира. – С. 25.

4. Здесь и в дальнейшем в данной статье термин «литературный язык» используется не в значении «язык художественной литературы», а в значении «кодифицированный, стандартный язык; языковой стандарт». Несколько более точным термином было бы «разговорная форма литературного языка», но он слишком громоздок.

5. Этот очень удачный, хотя и не совсем строгий термин, был использован в работе: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. – М., 1993.

6. О «культуре недоверия» см.: *Моисеев С. В.* Доверие, ценности, общественный договор: исторический опыт Италии и России // Наука. Университет. 2001. Материалы Второй научной конференции. – Новосибирск, 2001. – С. 233—234.

7. «Полулегальными» эти промыслы названы потому, что в условиях их массовой распространенности заниматься ими можно, фактически не опасаясь наказания. Иначе правоохранительным органам пришлось бы «наказать» огромную часть населения.

8. См. об этом: *Крысин Л. П.* О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Русистика. –

1992. – №2. – С. 99; *Быков В.* Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения // Русистика. – 1994. – №1 —2. – С. 85 и сл.

9. *Кестер-Тома З.* Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. – 1993. – №2. – С. 23. Ср. также характерное высказывание «Просторечие – термин русистики» в статье о просторечии в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (*Бельчиков Ю. А.* Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 402).

10. В этом отношении было бы интересно сопоставить нынешнюю социолингвистическую ситуацию в России с ситуацией в других государствах, в которых, по-видимому, также сосуществуют группы, ориентированные на западные и «свои» системы ценностей (Иран, Сирия, Пакистан, Колумбия и др.). Но это проблема не столько лингвистики, сколько социологии.

11. См. об этом: *Крысин Л. П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. – М., 1976.

12. Ср. *Левин Ю. И.* Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. – 1990. – №4. – С. 67.

13. С. В. Моисеев приводит пословицы жителей криминализованного юга Италии: «Кто ведет себя честно, плохо кончает», «Проклят тот, кто доверяет другому», «Не давай в долг денег, не дари подарков, не делай добра, ибо это для тебя кончится плохо» (*Моисеев С. В.* Указ. соч. – С. 234).

Похоже?

14. *Быков В.* Указ. соч. – С. 85.

15. Там же. – С. 86.

16. З. Кёстер-Тома назвала это слово «своеобразным маркером просторечия», см. *Кёстер-Тома З.* Указ. соч. – С. 22.

17. Ср. остроумное замечание Л. П. Крысина: «Для представителя малокультурной среды слово *яйца* – прежде всего элемент обценной лексики и только во вторую очередь – обозначение продукта» (*Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // *Русистика.* – 1994. – №1—2 – С. 48). Аналогично для носителя просторечия глагол *гулять*, например, значит, прежде всего, «пить, пьянствовать в компании», а глагол *кончат* «завершать половой акт». Очевидно, что все дело в своеобразии картины мира у различных слоев общества.

18. Факт принадлежности подобных форм к просторечию, к сожалению, никак не учтен в интересной работе: *Супрун А.* О прагматической парадигме русского личного имени собственного // *Русистика.* – 1993. – №2. – С. 43—53.

19. *Кёстер-Тома З.* Указ. соч. – С. 21.

20. *Фергюсон Ч.* Автономная детская речь в шести языках // *Новое в лингвистике.* – Вып. 7. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 422—423.

21. См., например, *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // *История русского языка и общее языкознание.* – М., 1977. – С. 175—189; *Ларин Б. А.* К лингвисти-

ческой характеристике города (Несколько предпосылок) // Там же. – С. 189—199.

22. *Перехвальская Е. В.* Языковые контакты и «прагматический код» // Лингвистические исследования. 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка. – М., 1986. – С. 172—176; *Neumann G.* Zur chinesisch-russischen Behelfsphrase von Kjachta // Die Sprache. – Т. XII, Heft 2. – 1966. – S. 237—251.

23. *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка. – СПб., 1908; *Потапов С. М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). – М., 1927; см. также *Грачев М. А.* Русское дореволюционное аргю. – Автореф. канд. дис. – Горький, 1986.

24. Уже в середине 1970-х годов старообрядцы в самых глухих уголках Красноярского края говорили исключительно на общерусском просторечии, почти без диалектных «примесей».

25. *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. – М., 1976. – С. 80.

26. См. об этом подробнее: *Дьячок М. Т.* Русское аргю и русские говоры: К соотношению лексических систем // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Т. 1. – Новосибирск, 1995.

27. Ср. стилистически нейтральное использование этих слов в тексте изданного в Петербурге переводного романа: «двадцать две банки консервированной *куры*», «на полу стояла овальная *латка*» (*Браун Л.* Кот, который любил Брамса /

Пер. И. Р. Сендерихиной. – СПб., 2000. – С. 21).

28. *Кестер-Тома З.* Указ. соч. – С. 22.

29. *Карацупов Ю. Н.* О состоянии русского языка современности. – М., 1991. – С. 4.

30. *Гаспаров М. Л.* Ю.М. Лотман: Наука и идеология // Гаспаров М. Л. Избранные труды. – Т. 2. – М., 1997. – С. 485.

31. Возьмем для примера книгу: *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляр В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М., 1987. Среди фразеологизмов со значением «заслуживающий высокой оценки» там есть все, что угодно, начиная от явно авторского (и оттого вряд ли заслуживающего помещения в общеязыковой словарь) *антик с гвоздикой*, заканчивая давно устаревшим *разлоли-малина*, зато почти нет выражений современного языка. Впрочем, тема столь сильной «любви» советских лингвистов к языку писателей XIX – начала XX вв., несомненно, имеет не только политические причины. Так, интересно было бы проследить влияние на тематику лингвистических исследований трудов академика В. В. Виноградова, упорно не замечавшего фактов современного русского языка, зато цитировавшего Кугеля, Колбасина, Лядова, Голубова, Кокорева и других забытых ныне литераторов.

32. См. *Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – Ч. 2. – М., 1991.

33. *Виноградов В. В.* Литературный язык // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 292.

Русское просторечие как социолингвистическое явление

Последние годы оказались весьма продуктивными для понимания сущности русского просторечия – уникального явления в среде носителей русского языка. Несмотря на то, что первые серьезные попытки осмыслить феномен просторечия были предприняты еще в советское время (см. работы Л. И. Баранниковой [1], Е. А. Земской [2] и Д. Н. Шмелева [3]), действительно научный подход к данному явлению стал преобладающим лишь в последнее время. Большой вклад в изучение проблемы просторечия внесли работы российских лингвистов Л. П. Крысина [4], В. Б. Быкова [5], Т. В. Матвеевой [6], В. В. Химика [7] и т.д., а также немецкого исследователя З. Кестер-Томы [8].

То, что научное изучение просторечия началось лишь в последние годы, объясняется не столько собственно лингвистическими, сколько политическими причинами. Конечно же, продолжала играть свою роль и старая филологическая традиция, согласно которой просторечие рассматривалось как явление стилистического характера. В этом отношении показательны однообразные определения просторечия, которые давались в лингвистических работах советского времени. Ср., например, определение в словаре С. И. Ожегова: «Просторечие – слова и грамматические формы мас-

совой городской разговорной речи, используемые в литературном языке как стилистическое средство для придания речи шутливого, пренебрежительного, иронического, грубого и т. п. оттенка» [9]. Аналогичные или подобные определения даются и во многих других словарях, учебниках, справочниках и даже научных работах того времени.

Используясь в таком своеобразном значении, т.е. прежде всего как термин стилистики, просторечие обозначало стилистически сниженную речь. Известная триада «разговорное – просторечное – областное» открыто указывала на то место, которое должна была занимать «просторечная» лексика – между лексикой разговорной (*маршрутка, зачётка, разбазаривать* и т. п.) и диалектной (*азям, шабур* и т. п.). Однако кажущаяся простота такой градуальности всегда вызывала немало вопросов.

Исследователи русской некодифицированной речи не раз обращали внимание на относительность подобного противопоставления. Так, рассматривая особенности употребления языковых помет в словарях русского языка, Г. Н. Склярёвская и И. Н. Шмелева отмечали: «Пометы (разговорное и просторечное – *М.Д.*) означают разную степень сниженности в пределах лексики, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка и входящей в словарный состав кодифицированного литературного языка на правах специализировавшегося стилистического средства. Граница между „более“ и „менее“ сниженным неотчет-

лива и текуча» [10]. И поскольку, действительно, граница между тремя этими группами лексики оказывалась очень нечеткой и зачастую определялась лишь интуитивными методами и личным мнением составителей словарей, то в русистике советских времен получил распространение менее строгий термин – «разговорно-просторечная лексика».

Однако намного более существенными в то время были не лингвистические, а политические соображения. Дело в том, что стремление рассматривать просторечие как целостную (под) систему, во многом противопоставленную русскому литературному языку, наталкивалось на одну из основополагающих идеологических догм – об единстве социалистического общества. Поэтому лингвистам традиционного толка ничего не оставалось, как объявлять просторечие пережитком прошлого, а просторечную лексику рассматривать как остатки лексики необразованных слоев общества, сохранившихся в разговорной речи еще, видимо, с дореволюционных или нэповских времен. В этом отношении показательно высказывание В. В. Виноградова: «Только в эпоху существования развитых национальных языков... литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной национальной нормы» [11].

В целом система русского языка с точки зрения советской социолингвистики выглядела примерно таким образом:

существует единый русский язык, часто отождествляемый с русским литературным языком (фактически – с языком печатной литературы второй половины XIX – начала XX вв.), за его пределами находятся стилистически сниженные слова (разговорные и просторечные), а также диалектизмы, т.е. слова, распространенные в отдельных районах распространения русского языка, причем две последние группы слов находятся в стадии постепенного исчезновения. В действительности же эта, казалось бы, стройная схема, как выяснилось, не имела почти ничего общего с реальным положением дел.

Важнейшим следствием подобной схемы оказывался явно ошибочный вывод, что литературная, разговорная и просторечная лексика должны были использоваться в речи **одних и тех же людей**. За пределами этого единого языкового континуума оставались лишь диалектизмы. Этот вывод, конечно же, был абсолютно неверен, зато так же абсолютно не противоречил догматическому утверждению об единстве советского общества.

В настоящее время просторечие обычно определяется как форма (разновидность) русского языка, на которой говорят необразованные и малообразованные слои общества. Однако несмотря на свою краткость (или вопреки ей) это определение кажется не вполне удовлетворительным. На наш взгляд, для того, чтобы дать адекватное определение терми-

ну просторечие, необходимо более четко очертить круг людей, использующих данную форму языка в своей речи, т. е. определить состав его носителей.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг, в эпоху перестройки, в социологии получил распространение термин «простой человек» [12], обозначающий людей, не получивших достаточного образования и занятых, как правило, неинтеллектуальным трудом. Данная группа русскоязычного населения может быть выделена по трем основным признакам:

- 1) сфера деятельности,
- 2) система ценностей и целей,
- 3) язык.

Признаки расположены в порядке убывания их значимости при определении социальной принадлежности индивидуума.

На наш взгляд, ведущим параметром, определяющим принадлежность конкретного человека к группе «простых людей», является сфера деятельности.

Несмотря на то, что язык оказался отодвинутым лишь на третье место, он является важным стратификационным признаком. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что сфера деятельности того или иного человека определяет его систему ценностей и целей и «подсказывает» ему, на каком языке говорить. Важная роль языка как «показателя социальной стратификации» подчеркивалась Дж. Гамперцом еще в начале 1960-х гг. [13].

В данном случае таким языком является просторечие.

Разберем более подробно первый и третий из этих признаков: сферу деятельности носителей просторечия и их язык. Система ценностей и целей этой группы была подробно рассмотрена в другой работе [14].

1. Сфера деятельности

«Простой» человек (resp. носитель просторечия) занят, как правило, неквалифицированным трудом. Основные профессии мужчин – носителей просторечия: охранник, шофер, строительный рабочий, порученец (менеджер), уличный торговец и т. п., женщин – продавец (в т.ч. занимающийся уличной торговлей), кондуктор, неквалифицированный рабочий и т. п. Очень много носителей просторечия среди рядовых милиционеров и других сотрудников силовых ведомств. На просторечии в основном говорят и военнослужащие срочной службы. При этом, правда, следует отметить, что в повседневном общении на темы солдатского быта они также активно используют солдатское арго [15], однако в своей основе солдатское арго представляет собой типичное просторечие с вкраплениями арготической лексики. Число собственно арготических слов в солдатском арго вряд ли превышает трех сотен (это, например, такие слова, как *котел* «военнослужащий третьего периода службы (от года по полутора лет)» или *хлеборез* «солдат, занимаю-

щийся нарезкой хлеба и распределением масла и сахара»), что же касается многих других слов солдатского арго, то они явно находятся на границе между арго и просторечием (*напрягаться* «много работать», *разводяга* «большая ложка, которой различают суп или накладывают кашу из общего котла; половник» и др.).

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время просторечие не является только фактом городской жизни (такое утверждение иногда приходится встречать в некоторых работах по русистике). Действительно, в первой половине XX века, до эпохи коллективизации, сталинских репрессий и принудительных миграций населения, такое утверждение было обоснованным, так как в тот период еще сохранялись старые территориальные диалекты. В своем докладе, прочитанном в 1926 г. Б. А. Ларин одним из первых употребил термин «городское просторечие», которое он со свойственной ему парадоксальной точностью использовал для обозначения «некоего „низкого“ общего разговорного языка» [16]. Однако по сравнению с 1920-х годами ситуация изменилась коренным образом. Решающий удар по русским территориальным диалектам был нанесен в сталинское время [17]. С тех пор территориальные диалекты начали исчезать довольно быстрыми темпами. Отдельные факты диалектной речи сохранялись только в речи женщин преклонного возраста. В настоящее время можно почти с полной уверенностью сказать, что территориальные диалекты в рус-

ской деревне больше не употребляются [18]. Собственно говоря, факт исчезновения территориальных говоров нельзя было не замечать и в советское время, ср., например, сделанное еще в 1978 г. наблюдение А. И. Федорова: «В современных условиях нельзя найти такой периферийный говор, который был бы изолирован от влияния литературного языка» [19]. Однако влияние литературного языка на жителей русскоязычной деревни все же было минимальным. В результате на смену территориальным говорам пришло общерусское просторечие. В этой связи очень показателен следующий факт: уже в 1970-х гг. жители глухих старообрядческих деревень в Красноярском крае говорили на общерусском просторечии лишь с небольшой примесью диалектных слов и словоформ.

Таким образом, использование термина «городское просторечие» в настоящее время представляется неправомерным, так как просторечие не в меньшей мере распространено и в сельской местности.

Социальным ядром носителей просторечия являются лица, занимающиеся криминальной и полукриминальной деятельностью. По косвенным данным, число подобных лиц и членов их семей может составлять до трети всего населения современной России. Это такие сферы деятельности, как воровство, грабежи, разбои, попрошайничество, вымогательство, торговля наркотиками и оружием, проституция, сутенерство, мошенничество, ростовщичество, сбыт краде-

ного и т. п. Для нынешней ситуации очень характерно то, что легальная и нелегальная (криминальная или полукриминальная) деятельность тесно переплетены. Так, для ряда преподавателей вузов основным источником доходов является не их официальная зарплата (которая, к тому же, не всегда высока), а взятки со студентов: прямые или завуалированные под репетиторство [20]. Широкое распространение полулегального криминала привело к тому, что сократилась сфера деятельности традиционного, полностью нелегального, криминала. Результатом этого процесса стало отмечаемое исследователями сокращение сферы функционирования уголовного жаргона, который активно заменяется именно просторечием [21].

Необходимо отметить, что криминальными и полукриминальными промыслами в современной России занимаются прежде всего мужчины молодого и среднего возраста. Это объясняет любопытный парадокс – то, что сейчас просторечие намного больше распространено среди мужчин, чем среди женщин.

Наконец, в последнее время, в связи с общей криминализацией общественной жизни России, просторечие все активнее используется в речи предпринимателей, чиновников различного уровня, вплоть до самых высших. В этой связи приведем только замечание А. П. Чудинова, исследовавшего употребление метафоры в русской политической речи: «Известно, что сексуальная метафора издавна используется

в русском национальном языке (показательно, что именно с сексуальной сферой связаны наиболее сильные русские инвективы), но областью ее использования традиционно считались жаргоны и просторечие, тогда как в литературной речи, и особенно в средствах массовой информации, подобные образы практически не встречались» [22]. В политической же речи последних лет сексуальная метафора, просторечная по происхождению, встречается очень часто.

2. Язык

В рамках одной статьи невозможно перечислить все лингвистические особенности современного просторечия. Поэтому остановимся лишь на наиболее существенных из них, тех, которые характеризуют просторечие как целостную подсистему и отличают его как от русского литературного языка, так и от других подсистем русского языка.

1) Фонетические особенности просторечия

Роль фонетических особенностей просторечия порой недооценивается. По умолчанию предполагается, что фонетические системы просторечия и литературного языка в целом совпадают. В качестве единственного исключения называют лишь акцентуационные различия (*свекла́, догово́р* и т.п.). Действительно, системы фонем совпадают в обеих формах языка. Однако дело обстоит иначе, если мы обратимся к интонационным и акустическим особенностям про-

сторечия. Не случайно, что именно эти черты рассматриваемой формы языка обычно имитируют артисты, изображающие типичного «простого» человека.

К числу характерных фонетических признаков просторечия можно отнести следующие:

1. Повышенная по сравнению с литературным языком громкость речи.
2. Общение на расстоянии (перекликивание).
3. Своеобразная интонация, воспринимаемая носителем литературного языка как «грубая», «агрессивная».
4. Фарингализация («осипший» голос) и назализация.
5. Отрывистость фонетических фраз с постановкой логического ударения к концу фразы.
6. Использование особых звукоизобразительных приемов (хихиканье в высокой тональности, звукоизобразительные слова – *бах, бум, бац* и т.п.).
7. Экспрессивная геминация начального согласного слова, например: [чч'о] «что», [кказ'ол] «козёл» и т. п.
8. Пониженный тембр голоса (у женщин).
9. Частое использование свиста в коммуникационных целях (особенно для привлечения внимания, подзывания собеседника) [23].

Происхождение этих фонетических особенностей до сих пор не выяснено. Несомненно, что какая-то их часть (например, свист) восходит к речевому поведению носителей уголовных жаргонов. Фарингализация и назализация может

быть объяснена как имитация престижного «лагерного» произношения, поскольку большое число заключенных страдают от туберкулёза [24]. Однако в целом фонетическое описание просторечия – задача будущего.

2) Лексические особенности просторечия

В области лексики отличие просторечия от литературного языка проявляется наиболее отчетливо. Выделяется три основные группы лексики, отличающие просторечие от литературного языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.